

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ



М. Н. Кузнецова.
(Нъ гастролямъ въ Москвѣ).

№ 19

X г. изд

12 (29) Мая 1918 г.

Москва, Б. Дмитровка, уг. Богословскаго пер., д. 1.
Телефоны: 2-58-25 и 3-32-16.

Цѣна отд. № 90 к.

Въ другихъ городахъ и на вокзалахъ 1 руб.

ВЪ ТЕАТРАХЪ И КОНЦЕРТАХЪ.

(СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ).

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ Т-ВО ВЪ РОССИИ.

ЭРМИТАЖЪ

Каретный рядъ. Тел. 13-96, 25-39.

Е Ж Е Д Н Е В Н О.

Зеркальный театръ.

Комическая опера.

— Представлено будетъ: —

„ФАТИНИЦА“.

Оперетта въ 3 д. Фр. Зуппе.

Русскій текстъ М. Ливскаго и Р. Меча

Администраторъ А. Н. Шульцъ.

Закрытый театръ.

Комедія.

Представлено будетъ:

„ГУСАРСКАЯ ЛИХОРАДКА“.

Постановка М. Я. Муратова.

Нов. декорация худож. В. В. Иванова.

Администр. І. Н. Вѣровъ.

Открытый театръ.

Павель Троицкій, П. Г. Барна-
довъ.

Бр. Шириевы. Миссъ Леа. Дуэръ Орлякъ. М-г Вестманъ. Акроб. Лавалей. Дуэръ Хазо. Ковцерный оркестръ подъ упр. В. Ф. Оцень. Ковцерное отд. отъ 6 до 11 ч. вечера

Адмян. А. М. Войцеховскій.

МОСКОВСКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Каретный рядъ, „Эрмитажъ“).

ОТКРЫТІЕ ОБМѢНЪ И ПРОДАЖА I и II АБОНЕМЕНТОВЪ V СЕЗОНА.

Кромѣ пьесъ новѣйшаго реперт. въ прогр. сез. предпол. ввести слѣд. произв. русск. и западно-европ. драм.: „Два міра“ А. Н. Майкова; „Поручикъ Гладковъ“ А. Ф. Писемскаго; „Огнитое время“ („Дѣло“) А. В. Сухова-Кобылина; „Донъ-Жуанъ“ гр. А. К. Толстого; „Просители“ М. Е. Щедрина; „Стойкій принцъ“ Кальдерона; „Овечій источникъ“ Лопе-де-Вега; „Тартюфъ“ Мольера; „Король забавляется“ Гюго; „Благовѣщеніе“ Клоделя; „Вѣрѣ леда“ Уайльза—съ М. М. Блюменталь-Тамариной. Е. Т. Жихаревой. Т. П. Павловой, В. А. Блюменталь-Тамаринымъ, Ю. Э. Озаровскимъ, И. Н. Цвѣцовымъ, И. М. Ураловымъ и К. Н. Яковлевымъ, въ главнѣйшихъ роляхъ и въ постанов. режисс. Ю. Э. Озаровскаго, Н. А. Попова и А. А. Санина (режис. Моск. Художеств. т.) Прод. невозобновлен. и оставшихся бил. съ 16 апрѣля (в. ст. 29) въ конт. т. съ 11 до 3 ч. д. Уполномочен. дир. В. С. Старухинъ.

ТЕАТРЪ СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ ОПЕРА.

Бывш. С. И. Зимина.

СЕЗОНЪ 1917/1918 гг.

Билеты продаются въ кассѣ театра съ 10 час. утра до 9 час. вечера. Либретто прод. въ кассѣ театра.

Утро: 11-го мая—„Виздзорскія проказницы“; 12-го—„Золотой пѣтушокъ“.

Вечеръ: 11-го—„Евгеній Онегинъ“; 12-го—въ пользу кассы взаимопомощи работниковъ театра М. С. Р. Д.—„Пиковая дама“; 13-го—последній спектакль опернаго сезона для 6 спект. 8 демократ. абон.: „Майская ночь“.

Начало спектаклей: „Евгеній Онегинъ“, „Пиковая дама“ въ 6¼ ч. веч.

Начало вечернихъ спектаклей въ 7 час. веч. Утрен. въ 12 ч. дня.

Входъ въ зрительный залъ послѣ подвѣтки занавѣса не разрѣшается.

Режиссеры-администраторы А. Г. Борисенко и В. Л. Нардовъ.

Администраторъ Б. П. Кащенко.

ТЕАТРЪ К. НЕЗЛОБИНА.

Утро: 11-го мая—„ЛЮЛИ-МУЗЫКАНТЪ“. Веч.: „ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ“; 12-го—„ПСИЦА“. 13, 14, 16-го—„ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ“; 15-го—„ПСИЦА“; 17-го—„ШУТЬ НА ТРОНЪ“.

Нач.: утр. въ 12 ч. дня, веч. въ 7 ч. веч.

Дирекція проситъ публику заним. мѣста послѣ 2-го звонка, т. к. послѣ открытія занавѣса входъ въ зрительн. залъ безусловно не допускается. Билеты прод. на всѣ объявлен. спект. въ кассѣ театра съ 12 ч. до 6 ч. в., а въ день спект. до 10 ч. веч. Управляющій театромъ П. И. Тунковъ.

ТЕАТРЪ ИМЕНИ В. О. КОММИССАРЖЕВСКОЙ.

Тверская, Настасьинск. п., 5.

11-го — „БЕЗРАЗСУДСТВО И СЧАСТЬЕ“. 12-го—закрытіе сезона: „ГИМНЪ РОЖДЕСТВУ“.

Начало въ 8 час. веч. Билеты въ кассѣ театра съ 12 ч. дня до 9 ч. веч.

Лѣтній театръ и садъ „ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“ Н. Ф. БАЛЛЕВА.

— Большая Дмитровка, 17. —

1/14 мая ОТКРЫТІЕ лѣтняго сезона.

Большая сцена—ПРЕМЬЕРА: „Пѣсенка Фортуше“, ком. опера Оффенбаха. „Поясъ Афродиты“. „Какъ гетера Мелигисъ почала въ рай“ и др. Нач. въ 7¼ ч. веч.

Малая сцена въ саду: Художеств. коллекція. Средь шумнаго бала. В. П. Свободявъ—разсказы. М. вуэръ и др. Нач. въ 8 ч. веч. Въ саду симфоническій оркестръ подъ упр. Ю. Файеръ.

ТЕАТРЪ „ЗОНЪ“.

ВЕСЕННИЙ ПЕТРОГРАДСКІЙ СЕЗОНЪ въ Москвѣ

Дирекціи А. С. ПЛАСКОВА.

Суббота, 28-го апрѣля ст. ст., 1-я гастроль балеряны Госуд театровъ **Елены Александровны Смирновой**—„Донъ-Кихоть“, балетъ.

29-го апрѣля — въ пользу союза георгіевскихъ кавалеровъ — большой концертъ при участіи: **Е. А. Смирновой, Б. Романова, Каракаша и ВЕЛИКОРУССКАГО ОРКЕСТРА В. В. Андреева.** 30-го—2-я гастроль балерины Государственныхъ театровъ **Е. А. Смирновой и Б. Романова:** „АНДАЛУЗИАНКА“ и „ПИРЪ ГУДАЛА“, балетъ.

Начало въ 8 часовъ вечера.

28, 29 апрѣля КОНЦЕРТЫ ВЕЛИКОРУССКАГО ОРКЕСТРА

въ составѣ 50 человекъ подъ управленіемъ его основателя **В. В. АНДРЕЕВА**, при участіи артистовъ Государствен. театр. Начало въ 1 ч. дня.

Билеты въ кассѣ театра.

Гастроли заслуж. арт. Госуд. т. **В. Н. ДАВЫДОВА.**

Московскій „ЛУНА-ПАРКЪ“ (Б. Грузинская, „ЗООЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ“).

== Въ среду, $\frac{2\text{-го мая}}{15\text{-го мая}}$ ОТКРЫТІЕ ==

ВО Вновь ВЫСТРОЕННОМЪ ТЕАТРѢ НА 1500 МѢСТЪ.

Последняя новинка заграничныхъ театровъ въ постав. глава. режис. **М. И. КРИГЕЛЬ.**

ОПЕРЕТТА въ 3 хъ дѣйств.. муз. Р. ЯКОВИ,

русокій текстъ В. К. ТРАВСКАГО

„СИБИЛЛА“.

Въ главныхъ роляхъ: г-жи Барвинская, Валицкая, Сара Линъ, Невяровская; гг. Августовъ, Букинъ, Горевъ, Дмитріевъ, Сабининъ и Шавинскій.

Новые танцы А. МАКАРОВОЙ и А. ЛЮЗИНСКАГО.

Касса открыта съ 11 час. утра до 10 час. веч.

Начало въ 7 $\frac{1}{2}$ час. веч.

АТТРАКЦИОНЫ ЖАНРА
Лондонскіхъ и Американ-
скихъ „Луна-Паркъ“.

На роскошной верандѣ
СИМФОНИЧЕСКІЕ
КОНЦЕРТЫ.

Съ 10/23-го
мая ОТКРЫТІЕ
грандіознаго лѣтняго цирка.

Начало съ 3 час. дня.

Входъ 2 руб.

Уполн. Дирекціи И. Г. ХОДЖАЕВЪ.

ТЕАТРЪ Я. ЮЖНАГО.	ГАСТРОЛИ Н. М. РАДИНА. „ХОРОШО СШИТЫЙ ФРАКЪ“. Касса откр. съ 11 $\frac{1}{2}$ час. утра. Нач. въ 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера. Режиссеры: Я. Д. Юнъ и Н. М. Радинъ. Администраторъ И. Д. Орловъ.
ТЕАТРЪ „У ЛУКОМОРЬЯ“. Мамоновскій, 10.	Гастроли артистовъ Государственныхъ театровъ: Н. Е. Калиновской, В. К. Липецкаго, Л. Ф. Савранскаго, М. С. Куржіямскаго и др. 11, 12-го утр.: „ШЕРЛОКЪ ХОЛЬМСЪ“. 11-го, веч.: „ВЕЧЕРЪ РУССКАГО РОМАНСА“. 12-го: „СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“ (полностью).
ПЕТРОВСКІЙ ТЕАТРЪ. Подъ упр. М. Н. Пинной-Петляп. ПЕТРОВКА, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНИИ.	Въ понедѣльникъ, 30-го апрѣля, Бенефисъ МИЛЬТОНА. Во вторникъ, 1-го мая, ЗАКРЫТІЕ зимняго сезона. Бенефисъ Е. М. БАСКАКОВОЙ. Ежедневн. спектакли въ 6 $\frac{1}{2}$, 8 и 9 $\frac{1}{2}$ ч. веч. Цѣны мѣстамъ отъ 2 до 16 руб. Администраторъ А. Тольскій.

ДИРЕКТОРЪ-РАСПОРЯДИТЕЛЬ
МОСКОВСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО КОНЦЕРТНАГО БЮРО,
МИХ. ИВ. РЕЙНЕКЕ,

настоящимъ извѣщаетъ г.г. клиентовъ Бюро, что по обстоятельствамъ времени ГЛАВНАЯ КОНТОРА БЮРО, находящаяся въ Москвѣ, Цветной бульваръ, 19, ВРЕМЕННО ЗАКРЫТА для всѣхъ операций. О ДНѢ И МѢСТѢ ОТКРЫТІЯ КОНТОРЫ выдачи справокъ о состояніи дѣлъ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО ОСОБО.

ХУДОЖЕСТВЕН. ТЕАТРЪ.

Утр. спект.: 11-го (28) — „Вишневый садъ“. 12-го — „Свя-
няя птица“. Веч. спект.: 11-го — „Нахлѣбовикъ“, „Гдѣ
товко, тамъ и рвется“, „Провинциалка“; 12-го — „Се-
ло Степанчиково“.

Начало утр. спект. въ 12 час. веч. 7 час.

ТЕАТРЪ КОРША Товарищество
артистовъ.

Утро. 11-го мая — „Обрывъ“; 12-го — „Власть тьмы“.
Вечеръ. 11-го — „Камо грядеши“; 12-го — „Дѣти Ва-
ношица“; 13-го — „Незавѣстная“; 14-го — „Дни на-
шей жизни“; 15-го — въ 1-й разъ „Кайнъ и Авель“.

Начало утр. спект. въ 12 час. веч. 7 час.

ИМПРЕССАРИО

Леонидъ Давидовичъ

ЛЕОНИДОВЪ.

Москва,

Гост. „Славянскій Базаръ“.

Тел. 4-51-31. Добав. тел. 105.

ГАСТРОЛИ.

СЕЗОНЪ 1918 года.

Маргариты ФРОМАНЪ
Михаила МОРДКИНА
МОСКВА.

29-го апр. (12-го мая) Циркъ Никитныхъ. Въ четвертый и послѣдній
разъ въ Москвѣ. Балетъ „АЗИАДЭ“ на аренѣ цирка. — Пост. М. Мордкина.
3 и 5 мая ст. ст. гастролы въ Петроградѣ („Паласъ-Театръ“).
Июнь — по Волгѣ. Начало въ 1 часъ дня.

Н. С. РАШЕЛЬ и АЛЬБЕРТЪ ДЖОНСОНЪ
ТАНГО—ГАШИШЪ.

ГАСТРОЛИ: До 1-го мая — Москва, Петровский театръ.
Съ 3-го мая — Нижній-Новгородъ, Городской театръ. (Дирекція Ростовцева).

ДОМЪ СВОБОДНАГО ИСКУССТВА.

Трубная площадь, помѣщеніе бывш. „Эрмитажъ Оливье“.

Въ лѣтнемъ помѣщеніи первыя представленія театра Д. С. И. Вечера Испанскаго искусства. I. Вступитель-
ное слово — К. Д. Бальмонтъ. II. М. Сервантесъ. — Театръ чудесъ. Интермедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Художникъ
Александръ Купринъ. Музыка Грагорія Крейнъ. Постановка Г. А. Кроль. Завѣд. худ. частью С. М. Вермель.
III. К. Д. Бальмонтъ. — Цикль стиховъ объ Испаніи. IV. Тавцы Испаніи. Музыка народная испанская. Поста-
танцевъ М. А. Арцыбушевой. Симфон. оркестръ подъ управленіемъ Ф. Ф. Крейна. Входъ въ лѣтнее помѣ-
щеніе „Эрмитажъ Оливье“ съ Неглиннаго пр. Входная плата на премьеру 15 р. Нач. въ 8 ч. веч. Вилеты
въ Центрокассѣ (Петровка), въ кассѣ Дома С. И. и при входѣ.

СТУДИЯ
ИСКУССТВА ТЕАТРА

С. М. ВЕРМЕЛЬ.

МОСКВА.

Поварская, 42. — Тел. 5-58-49.

ОТКРЫТА ЗАПИСЬ
На лѣтній семестръ
ЕЖЕДНЕВНО
съ 5 до 6 ч. дня.

Репертуаръ: **В. БРЮСОВЪ**. — Протесилай умершій.
А. БЛОКЪ — Пѣснь судьбы. **М. ТАССО** — Аминта.
П. КЛОДЕЛЬ — Благовѣщеніе. **К. ГОЦЦИ** — Король —
Олень. **ПАНТОМИМЫ** Мейерхольда, Вермеля, Бонди,
Дебюсси, Равеля, Гр. Крейна и др.

Режиссура: **С. М. Вермель.**

Художники: **Ар. Лентуловъ, А. Купринъ, Р. Фалькъ.**

Музыканты: **Гр. Крейнъ.**

Жонглированіе: **В. Жанто.**

Гримъ: **Ю. Г. Веретенниковъ.**

Искусство слова: **М. А. Громовъ.**

Завѣдующій Студіей **Н. Н. Шелонскій.**

Балетная студія К. А. БЕКЪ. Б. Нинитская, уг. Брюсовскаго п., д. 14.

Классическіе и характерные тавцы. — Сценическая практика балетнаго искусства. — Преподаватели: Артисты государ-
ственнаго балета **К. А. Бекъ** и **Е. Н. Калмыкѣва**. Лекція по исторіи и эстетикѣ балета **Н. А. Марквардъ**.
Запись и прод. бил. въ студіи отъ 6 ч. до 8 ч. в. Тел. 4-05-73 и 60-89.

Революція и оперный театр.

Мы переживаем эпоху, которая повторится не скоро, если только повторится, конечно. Ураганъ свалилъ многостолѣтніе предрассудки, разбилъ въ щепы и разлеталъ въ клочья не одно заблужденіе, за которое упорно цѣплялась жизнь, какъ за непоколебимую истину. Разорванныя тучи стремительно бѣгутъ по небу. Громъ еще рожочетъ. Потоки дождя еще не смыли всей грязи. Все въ смятеніи, всюду обломки, отсохшія и ободранныя бурей вѣтви деревьевъ, куча гнилого листа. Хаотическій безпорядокъ. Но изъ-за разорванныхъ тучъ вновь глядитъ солнце, и скоро вачнется новая жизнь, установится ненарушенный порядокъ. Не будетъ лишь гнилого мира, отсохшихъ вѣтвей, да пыли, да грязи.

Революція разрушаетъ, она неминуемо вначалѣ приводитъ къ хаосу, подобно бурѣ. Но хаосъ этотъ, при всемъ его пугающемъ и грозномъ обликѣ,—благодѣтельный хаосъ. Старая колея застилается непрѣменно слѣдовать туда и такъ, куда и какъ она устроена. Желаетъ перемѣнить направленіе,—строй другую, новую колею. Но для этого надо упразднить прежнюю. И вотъ, благодѣтельная стихія все уничтожила, все разметала, старой дороги нѣтъ, никто и ничто не заставляетъ идти по ней, выбрай направленіе, какое хочешь. Открывается масса возможностей, предоставляется полная свобода выбора, такъ какъ нѣтъ стѣснительнаго стараго порядка, заставлявшаго волей-неволей двигаться по инерціи въ опредѣленномъ направленіи. Выбирай, соизлай, твори, всѣ возможности предоставляются, всѣ самыя смѣлыя мечтанія можно осуществить сейчасъ, такъ какъ потомъ, быть можетъ, и никогда больше не удастся ихъ осуществить: буря не каждый день бываетъ. Вотъ почему хаосъ благодѣтеленъ: изъ него можетъ родиться нѣчто прекрасное, во всякомъ случаѣ, лучшее чѣмъ то, что было при дохаосномъ порядкѣ. Нужны только желанія, фантазія, мысль и энергія.

Революція потрясаетъ до самыхъ корней, она касается и должна касаться всего. Каждое дерево въ лѣсу освобождается отъ гнилыхъ листьевъ и сухихъ вѣтвей. Революція не можетъ не коснуться и искусства. Искусство растетъ не подъ стекляннымъ колпакомъ, а живетъ общей жизнью со всѣмъ. И для него буря и хаосъ благодѣтельны. А настоящій моментъ, будь онъ безпорядоченъ, чрезвычайно благоприятенъ. Именно тѣмъ, что царитъ еще безпорядокъ, дава безпредѣльная возможность открыть новые, настоящіе пути для жизни искусства. Сейчасъ можно строить новое зданіе, новую дорогу, и если не воспользоваться благодѣтельнымъ моментомъ, то будетъ уже поздно. Оперный театр, какъ и всякій другой, стоитъ сейчасъ передъ неотложной задачей своего переустройства. Сознать-ли онъ это? Не знаемъ, но сознаетъ и долженъ сознавать это каждый, кто наблюдалъ прошедшую жизнь опернаго театра. Композиторъ, пишущій оперы, просвѣщенный почитатель театра, любящій искусство и жаждущій найти въ театрѣ искусство, не могъ не видѣть того, что оперный театръ стоялъ на ложной дорогѣ, на которую его поставили ложныя жизненныя условія. Сознавалъ ли театръ то, что онъ стоитъ на ложимъ пути? Не знаемъ, можетъ быть и сознавалъ. Предположимъ, что сознавалъ. Что же онъ онъ могъ сдѣлать, чтобы пойти по иному? Многое, но для этого необходимо было устранить препятствія, заключающіяся въ ложныхъ жизненныхъ условіяхъ. Но онъ или не могъ, или же не хотѣлъ ихъ устранить, такъ какъ отъ окружающихъ условій зависѣло самое существованіе его.

Театръ создавали двѣ причины, двѣ силы: или прихоть, или соображенія матеріальнаго свойства.

Царская прихоть призвала къ жизни такъ наз. императорскій оперный театръ. Прихоть частныхъ лицъ, состоятельныхъ меценатовъ, насаждала частныя оперныя предпріятія. Въ первомъ случаѣ театръ зависѣлъ всецѣло отъ оффиціального административнаго аппарата, который и вершилъ судьбы театра. Во второмъ случаѣ для театра была закономъ воля мецената.

Кромѣ того, за театръ ухватились попросту ловкіе дѣльцы, эксплуатировавшіе театръ съ чисто коммерческими расчетами. При такихъ условіяхъ театру ничего больше не оставалось, какъ взять на себя роль угодника. Приходилось *угодждать* либо тому, кто приказывалъ, либо тому, кто давалъ возможность существовать, либо тому, кто хотѣлъ при помощи театра важнѣться. Театръ вынужденъ былъ творить чужую волю, жить чужимъ умомъ или тупоуміемъ, угождать и услуживать, уважаться и холлопствовать. Оперный театръ прошаго это — холонскій театръ, въ своей уважительной роли угодника забывшій или приглушившій въ себѣ единственную и главную надежду, безъ которой театръ перестаетъ быть театромъ: любовь къ искусству, служеніе къ искусству. Въ старомъ оперномъ театрѣ „исчезало служеніе красотѣ, а вадѣлись осязательныя страсти“. И страсти эти были результатомъ

ложнаго положенія театра, какъ услужливаго угодника чужимъ прихотямъ и вкусамъ (капризамъ и безвкусицѣ). Въ качествѣ подвластнаго лакея театръ не могъ проявить собственной инициативы, вызванной исключительно соображеніями искусства. Если что-нибудь ставилось, то все не потому, что театръ считалъ это нужнымъ, заслуживающимъ вниманія, какъ художественное явленіе, а только потому, что кому-то это было угодно или выгодно. Оперы Глинки поставлены чуть ли не по царскому веленію. „Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго не былъ принятъ на императорскую сцену, не смотря на свои несомнѣнные достоинства, а будь приказъ, — и онъ былъ бы принятъ. Цикль оперъ Вагнера появился въ репертуарѣ императ. театровъ вовсе не потому, что театръ наконецъ, опомнившись отъ спячки и обратилъ сонныя очи въ сторону Вагнера, нѣтъ, а потому, что царица—нѣмка. Придворный театръ на то и существуетъ, чтобы забавлять дворъ... Забава и развлеченіе,—вотъ чѣмъ былъ театръ для двора, такимъ онъ былъ для меценатовъ, такимъ же былъ и для антрепренера-коммерсанта, который, конечно, развлекался не самъ, а забавлялъ почтеннѣйшую публику. Угодать и повравиться—сдѣлалось главной заботой театра. Если театръ есть только угожденіе прихоти, только мѣсто развлеченія, то разумѣется, естественно, что онъ свою дѣятельность направляетъ въ сторону удовлетворенія потребности въ развлеченіи. Онъ старается развлечь дворъ, великосвѣтскую аристократію, скачущающее мѣщанство. Съ мѣщанскимъ, буржуазнымъ безвкусиемъ и самодовольной тупостью борются художникъ, композиторъ, поэтъ. Ни одинъ уважающій себя дѣятель искусства не станетъ поддѣлываться подъ вкусъ и пониманіе (безвкусицу и непониманіе) тѣхъ, кого принято называть „толпой“. Ни одинъ подлинный художникъ-творецъ не унизится до того, чтобы изъ *служилости* искусства превратиться въ *трислужника* первого встрѣчнаго, жаждущаго забавы и развлеченія. Но оперный театръ до этого унизился. Мало того, онъ все вокругъ себя заставлялъ унижаться. Чтобы произведеніе композитора попало на оперную сцену, авторъ долженъ былъ претерпѣть цѣлый рядъ униженій. Его опера могла быть образцовой, преисполненной прекраснѣйшихъ качествъ, но если она не по душѣ г. X или Z, если коммерческія выгоды отъ ея постановки не доказаны, она обречена на спокойное лежаніе въ портфель композитора. Развѣ только у композитора были связи или протекція къ сильнымъ театральнаго міра. Протекція... Вотъ еще одна капля въ театральную жизнь, порожденная услужливостью и угодничествомъ.

Театръ царскій, театръ меценатскій зависѣлъ отъ каприза и вельвнй дирекціи. Театръ коммерческій — отъ соображеній предпринимателя, который въ свою очередь, расчитывая на карманъ публики, долженъ былъ считаться и со вкусомъ и художественнымъ уровнемъ ея, поддѣлываться къ толпѣ и потакать ей. Антрепренеру нужны прежде всего, опера *доходная*, артистъ, дѣлающій сборы. Пускай опера дрянь, а артистъ въ художественномъ отношеніи равенъ нулю, это—второстепенный вопросъ. Въ театрѣ „по прихоти“ бывало и наоборотъ: пусть опера прекрасна, артистъ гениаленъ, но мнѣ она не нравится, и я не *хочу* ихъ. Тамъ: ваше произведеніе—дрянь, вы—бездарность, во вы наполните мнѣ кассу,—пожалуйте, милости просимъ. Здѣсь: мнѣ все равно, выгодно или невыгодно, но вы маѣ не подумъ,—прощайте. И вотъ, создается душливая, смрадная атмосфера, въ которой каждый стремится заручиться протекціей, чтобы обезпечить свое положеніе и существованіе. Самъ театръ это дѣлаетъ и всѣ, кто въ театрѣ работаетъ, тоже только это и дѣлаютъ. Создается чудовищная съѣтъ интригъ, каждый хочетъ показать себя нужнымъ, полезнымъ въ дѣлѣ угоженія, „Я нравлюсь публикѣ, платите мнѣ столько-то“, „я имѣю рекомендацію отъ чиновника такого-то, вы должны меня взять на службу“, „ваша опера очень хороша, но кто поручится, что она сдѣлаетъ сборы“, и т. д. и т. д. И въ театрѣ-прихоти и въ театрѣ-лавочкѣ, одинаково развлекающихъ почтеннѣйшую публику, пышнымъ цвѣтомъ разрослись сорныя ядовитыя растенія интригъ, карьеризма, вздорнаго себялюбія, разлилось цѣлое море грязи, густымъ слоемъ облѣпившее алмазъ, называемый искусствомъ. Тамъ, гдѣ въ основу положенъ предрассудокъ „театръ—развлеченіе“, тамъ, гдѣ угодность замѣняетъ систему, иначе быть не можетъ. Можно-ли удивляться тому, что театръ опошлялся, что цѣлый рядъ поколѣній оперныхъ актеровъ воспитаны въ уродливыхъ понятіяхъ о своемъ искусствѣ, что оперныя проваденія першдо подвергались калѣченію, что въ постановкѣ намѣчался звѣдочный бламъ, а произведенія, достойныя лучшей участи, отвергались и лежали подъ срудомъ? Можно-ли удивляться тому, что оперный театръ лишены былъ инициативы и смѣлости въ своихъ начинаніяхъ, что онъ шель по дорожкѣ, указанной ему идеей „развлеченія“ и положеніемъ всеобщаго угодника? Этому удивляться нечего. Наравнебра операго



В. Н. Давыдовъ.
(Къ гастролямъ въ Москвѣ.)
Набросокъ Греча.

театра была естественнымъ и логическимъ результатомъ ложныхъ условий, въ какихъ онъ находился. Но будетъ дѣйствительно достойно удивленія, если театръ не воспользуется сегодняшней бурей, чтобы завтра-же начать новую жизнь. Старая дорога рухнула, гроза и дождь размыли ее, надо строить новую настоящую. Предразсудокъ, что театръ—развлеченіе, пусть погибнетъ съ носителями этого предразсудка. Идутъ новые люди, пусть на взглядъ мѣнѣе культурные, но зато никакими предразсудками не зараженные, единственный предразсудокъ которыхъ развѣ въ томъ, что они хотятъ, наконецъ, жить. Театръ можетъ и не должевъ кому бы то ни было угождать, ибо не развлекать онъ будетъ, не забавлять скучающихъ, а услаждать святой услаждой искусства. Если оперный театръ сознаетъ свое назначеніе, онъ вымететъ всѣ сорныя плевелы, онъ въ основу своей дѣятельности положитъ искусство, осуществленное въ произведеніи, ибо театръ, какъ всесосторонній исполнительный аппаратъ, долженъ исходить изъ произведенія. Ни театръ не будетъ унижаться, ни композиторъ не будетъ униженъ, не будетъ униженъ и актеръ, такъ какъ каждый займетъ свое справедливое мѣсто. Не будетъ прислуживанья, а будутъ только служители истиннаго искусства.

Будетъ-ли театръ внутренне организованъ такъ или иначе, комитеты-ли, художественныя-ли комиссіи въ немъ будутъ править,—это рѣшительно все равно, это не важно, а важно главное: нужно театру жить новой жизнью, гордой, независимой, художественно прекрасной и чистой. Найдеть-ли оперный театръ свой новый путь? Сумѣетъ-ли совлечь съ себя ветхаго челоуька и преобразиться? Если найдеть, если сумѣетъ, то только сейчасъ, или-же никогда.

Б. Яновскій.

Угасшія звѣзды.

I.

Тальони и Фанни Эльслеръ.

Иногда, въ театрѣ, я видѣлъ знаменитую старую балерину. Она пришла смотрѣть своихъ ученицъ, участвовавшихъ въ спектаклѣ частваго балета.

И съ жаднымъ вниманіемъ, быть можетъ, нѣсколько бевперемодно, лорвировала ее мопъ биноклемъ. Съ такимъ жаднымъ вниманіемъ можно лорвировать или очень красивую или очень старую женщину.

И та, в другія интересны: оляой либуешься, въ другой—пщешь. Чего искалъ мой бинокль въ старой балеринѣ, на которую когда-то навонилось столько биноклей и лорветовъ?

Не походилъ ли онъ, въ своей очень ограниченной сферѣ, на тотъ телескопъ, который вводитъ астрономъ, ища далекую звѣзду. Астрономъ замѣчаетъ, что звѣзды уже мѣтъ, что на ея мѣстѣ вошло новое свѣтило,—но остался

свѣтъ отъ закатавшейся. И икалъ и самго себя, слѣдя мопъ биноклемъ за чертами лица старой балерины: себя, пяти или шестиплѣтняго, въ рубашечкѣ, въ ложѣ Большого театра, съ матерью, съ няней, съ лакометвами въ мѣшечкахъ, на представленіи „Царя Кандавля“, когда балерина еще была звѣздой, во уже на закатѣ.

С нѣ!

И мнѣ вспоминался портретъ старой балерини, во весь ростъ, который я видѣлъ у одной изъ ея ученицъ, такъ же покинувшей уже сцену.

Тонкая, стройная, съ лицомъ увѣренной въ себя пожелтѣлицы.

Это была она: Нюзія, Асиччія, Царь-Дѣвица тѣхъ временъ.

И теперь, наводи мой бинокль, я все пытаюсь найти какой-нибудь отблескъ бышей Нюзіи или Асиччии въ чертахъ этой бабушки театра.

Она смотрѣла на всю эту балетную молодежь съ этимъ видомъ старой бабушки, которой все это такъ знакомо, она дѣлала свои замѣчанія, къ которымъ прислушывались сидящіе съ ней въ ложѣ. Каждый пррутъ, каждый „*grand de jambe*“, „*fouetté*“, „*port de bras*“ и т. д. былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ для музыканта—пассажъ въ терціяхъ, въ арпеджіяхъ или октавахъ. Она танцевала еще съ Гейрзтой Доръ, съ Сапковской, съ Лебедевой, она, можетъ быть, видѣла Тальони и Фанни Эльслеръ? Дѣвочкой?

О Тальони я всегда вспоминалъ въ Венеціи, глядя на бывшій ея балаццо, па этотъ *Cas d'oro*. А въ Пизѣ, ва Кампо Санто, мнѣ все казалось, я слышу какіе то звуки порианныхъ струнъ лиры на мраморной гробницѣ Анжелики Каталани.

Тальони и Фанни Эльслеръ... Я не знаю, чѣтъ-ли ли лекціи по исторіи галетваго искусства въ многочисленныхъ школахъ и балетныхъ студіяхъ вашихъ дней? И говорятъ ли что-нибудь молодымъ „студенткамъ балета“ имена этихъ угасшихъ звѣздъ?

Тальони танцевала въ Россіи три года, п въ этотъ промежутокъ времени Фанни Эльслеръ замѣнила ее па сценѣ Парижской Оперы. Знатокъ того времени раздѣляли искусство Тальони и Фанни Эльслеръ па два противоположные характеры.

Тальони представляла собою, по ихъ мнѣвію, такъ сказать, „абстрактную красоту“ красоту идеала, искусство Тальони касалось только души, не имѣя другой цѣли, какъ дѣлать людей лучше, воилочая черезъ ихъ глаза именно идеаль гр ции и чистоты.

Фанни, наоборотъ, а давала „конкретное“ искусство, искусство страсти, искусство живыхъ, волнующихъ рельефовъ. Она блцстала и зажигала залу въ испанскихъ танцахъ, введенныхъ въ моду псажкой Долоресъ Серралъ.

Поклонники „абстрактной“ Тальони, представлявшей собою па сценѣ „Академіи музыки и тавцевъ“, имевъ, академическое искусство или, какъ называли его тогда „*la danse des femmes*“,—ваходили искусство Эльслеръ „мало прилчнымъ“. Эльслеръ находила горячихъ партизановъ среди балетомановъ, среди „львовъ“ тогдашняго театра, во, однакожъ, хотя въ „Сильфидѣ“ (одной изъ лучшихъ ролей Тальони) она имѣла успѣхъ, но въ „Дѣвѣ Дуная“ изъ тогдашней „*loge infernale*“ (адской ложи), дѣланшей, что называется, „и хорошую и дурную погоду“ въ театрѣ, раздались громкіе свистки.

„Гражданская“ война среди парижскихъ гражданъ-балетомановъ росла. Партія отсутствующей Тальони не спускала партіи присутствующей Фанни Эльслеръ, и та, въ концѣ-концовъ, уѣхала въ Америку.

„Адской ложей“ назывался послѣдній бевуаръ слѣва.

Въ сороковыхъ годахъ эта ложа обоввровалась деснтькомъ абонентовъ, принадлежавшихъ къ обществу „львовъ“. Всѣ они были близки къ нулсамъ балета, всѣ были, въ сущности милѣйшіе люди, не имѣвшіе въ себѣ ничего адскаго, во ихъ „адскія“ страсти разыгрывались на балетной почвѣ, которая была имъ близка въ различныхъ смыс-

лахъ, п это „львы адской ложа“, какъ пѣкій Совѣтъ Десяти, рѣшали участь артистовъ (Feudeau).

Мы, въ наши дни, вернулись съ оубой страстью къ балету. Балетъ старой Москвы, стараго Петербурга былъ любимымъ искусствомъ избранной части публики.

Теперь это искусство стало особенно популярнымъ. Исторически нашъ балетъ славится со временъ Елисаветы Петровны, ученицы балетмейстера Ландэ, и очевъ талантливой ученицы, очаровывавшей своей вожкой п въ мепузѣтѣ, п въ мужской пляскѣ на своихъ „Метаморфозахъ“, гдѣ дамы одѣвались кавалерами п наоборотъ.

Но мы уже не имѣемъ той критики балетнаго искусства, которая разбирала балетное искусство во Франціи въ сороковыхъ годахъ. Къ намъ перешли отъ французовъ всѣ техническія названія въ балетѣ: „laquette“, „jeté battu“, „ballon“, „élévation“, „époler“, „cambre“.

Но гдѣ, въ газетѣ, найдемъ мы такой столбецъ философической балетной критики?:

„Красота лица—ничто! Тактъ, искусство, метода, искусство, точность, *точность*—это все.

„Принципъ танца: онъ не долженъ возбуждать чувствъ. Онъ долженъ оставлять въ совершенномъ безстрастіи (*dans une parfaite insensibilité*). Сущность танца—это нѣмой ритмъ, это музыка глаза. Танецъ долженъ пробуждать не страсти, а чувства: сожалѣніе, страхъ, смущеніе, обожаніе, подчиненіе п т. д.“

Согласитесь, что это философическая критика балета, п что мы уже такъ не пишемъ.

Такъ писали во времена Эльслеръ п Тальони.

Н. Вильде.

„Большой человѣкъ“.

(Клочки изъ жизни С. И. Мамонтова).

(Окончаніе. См. „Рампа и Жизнь“ № 17—18).

Въ атрактахъ между своимъ опернымъ предпріятіемъ С. И. Мамонтовъ продолжаетъ не больше, не меньше, какъ... дѣло Петра Великаго:

Прорубаетъ второе окно въ Западную Европу.

Имъ строится Архангельская же лѣзная дорога—прямой путь отъ центра Россіи къ заповѣдному Бѣлому морю, а черезъ него къ Ледовитому океану.

Какъ всякая смѣлая, оригинальная идея,—п эта „затѣя“ С. И. Мамонтова встрѣчается хоромъ протестовъ.

Сылаются безочевныя „авторитетныя указанія“ въ вѣдомство путей сообщенія, что постройка Архангельской желѣзной дороги это—„сумасбродство профана“, что эта дорога абсолютно никому не нужна. Развѣ только... торговцамъ клюквы п морошки.

Съ Мамонтовымъ „торгуются“. Въ копѣй-ковцовъ, разрѣшаютъ ему строить только узко-колейную дорогу.

Мамонтовъ согласенъ п на это. Онъ вѣрнѣе въ жизненность своей идеи, онъ создаетъ ея неотложность. Пусть будетъ „узко-колейна“. Пусть убѣдится на „узко-колейникѣ“,—кто прозорливѣе: онъ ли—„профанъ“, привыкшіи жить своимъ мозгами, или „ученые авторитеты“, умѣющіе брести только по старымъ избитымъ тропинкамъ.

Какъ сказочный витязь, стремится онъ черезъ дебри непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ въ далекую таинственную страну сѣверныхъ сіяній п прозрачныхъ лѣтнихъ ночей...

И фантастика совмѣщается съ реальнѣйшимъ фактомъ...

Архангельская дорога, дѣйствительно, дѣлается вторымъ окномъ въ Западную Европу. „Вторымъ“, которое въ разгаръ войны оказывается „единственнымъ“.

Когда „галтійское окошко“ захлопнулось передъ нами нѣмецкій флотъ,—Архангельская дорога, стала тѣмъ единственнымъ звеномъ, который еще связывалъ насъ съ Европой, съ союзниками.



Анна Павлова.

Шаржъ Деми.

Тѣмъ колодцемъ, въ который очень усердно плевали, но къ которому всѣ бросались съ ковшами п ведрами въ моментъ, когда изъякли другіе источники.

И Мамонтовъ, вспоминая въ послѣдніе годы своей жизни, былую „Архангельскую эпопею“, имѣлъ полное право гордиться: его тогдашнее дѣя многихъ совершенно непонятное „упрямство“ оказалось ничѣмъ инымъ, какъ истиннѣе гениальной прѣзрительностью.

* * *

1896-й годъ... С. И. Мамонтовъ становится вновь во главѣ московской частной оперы п, какъ магнитъ, притягиваетъ къ этому дѣлу все лучшее, что таятся въ русскомъ художественномъ п музыкальномъ міркахъ.

Съ поразительнымъ, только ему одному свойственнымъ умѣньемъ разгадывать быстро истинныя дарованія,—онъ среди молодыхъ, никому неизвѣтныхъ художниковъ, очыскалъ Врублея среди вторыхъ пѣвцъ въ казенной сценѣ—Шалыпина, среди начинающихъ оперныхъ исполнителей—Цвѣткову, Забѣлу, Оленина, среди молодыхъ музыкантовъ—Рахманинова п т. д.

Очыскалъ, поставилъ въ условія живой творческой работы, п „молодыя начинающія силы“ не замедлили развернуться въ „лабораторіи С. И. Мамонтова“ въ большія яркія дарованія.

Атмосфера, среди которой начинала работать у Мамонтова „сценическая молодежь“,—была, дѣйствительно, въ своемъ родѣ исключительной.

Шалыпинъ встрѣтилъ здѣсь Забѣлина, Ключевского, Полѣнова, Сѣрова Васнецова, Рѣпина...

И первые же три года работы Шалыпина въ частной оперѣ, тѣ три года, когда онъ успѣлъ создать своихъ Мефистофели, Ивана Грознаго, Олоферна, Сальерна, Сусанина, Мельника, Доспоея п т. д.,—должны служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ легко было работать гениальному артисту въ „Мамонтовской лабораторіи“, среди обшого, дружнаго, коллективнаго художественнаго творчества.

Уходъ соблазнительнаго матеріальными выгодами Шалыпина отъ Мамонтова своа па казенную сцену подрываетъ единъ изъ главныхъ устоевъ частной оперы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ самому Шалыпину почти ничего... кромѣ денегъ.



Шаляпинъ—чемпионъ міра.

Шаржъ Дени.

Шаляпинъ застываетъ на „Фаустѣ“, „Псковитянкѣ“, „Мефистофелѣ“...

Конечно, онъ остается тѣмъ же прекраснымъ артистомъ, великѣдушнымъ пѣвцомъ, но, какъ живая художественная сила, онъ замираетъ... Гдѣ его прежде неудержимое стремленіе впередъ, все къ новымъ и новымъ яркимъ сценическимъ завоеваніямъ, какимъ онъ кипѣлъ когда-то на подмосткахъ частной оперы?

* *

Кстати, еще о художественномъ чутьѣ С. И. Мамонтова и его веумѣнны „кривить душой“...

Когда Римскій-Корсаковъ выписалъ свою „Сервилію“ и представилъ ее на „судъ избранныхъ“, то среди всеобщаго лѣстиваго хора похвалъ,—лишь одинъ изъ слушателей имѣлъ мужество категорически заявить компоозитору, что его новое произведеніе никуда не годится, что оно и безцвѣтно, и скучно...

Этотъ слушатель былъ Мамонтовъ.

* *

Насколько онъ вообще былъ стоекъ въ своихъ художественныхъ взглядахъ и какъ презиралъ „судъ толпы“ показываетъ слѣдующій случай, рассказанный мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ умершихъ артистовъ частной оперы.

Когда С. И. Мамонтовъ поставилъ у себя въ театрѣ „Орфея“ Глюка, критика привѣтствовала возобновленіе этой классической оперы восторженными статьями. Публика же пошла на одинъ, другой спектакль, а съ третьяго—партеръ началъ пустовать.

Слабые сборы, конечно, не испугали Мамонтова, и онъ продолжалъ настаивать, чтобы „Орфей“ шелъ регулярно 2—3 раза въ недѣлю.

Среди артистовъ поднялись разговоры: „Конечно, „Орфей“—великое произведеніе, но развѣ не обидно для актерскаго самолюбія выступать передъ полупустымъ театромъ?“

Слухи объ этихъ разговорахъ дошли до Мамонтова. Со свойственной ему энергіей онъ дѣлаетъ распоряженіе: не продавать никому билетовъ на очередной спектакль „Орфея“, на кассѣ же вывѣсить афишагъ: „всѣ билеты проданы“.

Актеры рѣшили: „Очевидно, раздастъ билеты знакомымъ даромъ, чтобы только наполнить театр“.

Поднялся зававѣсъ. Дѣйствительно, первые ряды партера были заняты. Прошелъ первый актъ. Изъ зрительнаго зала ни хлопка. Молчатъ партеръ, молчатъ и обычно аплодировавшіе на спектакляхъ „Орфея“ верхніе ярусы.

Въ чемъ дѣло? Кто эти „добрые знакомые“ Мамонтова?...

— Вы хотѣли, господа, чтобы первые ряды партера были заняты, — съ улыбкой обратился С. И. къ труппѣ. — Кѣмъ — для васъ было безразлично. Я исполнилъ ваше желаніе: посадилъ макеевова. Но, чтобы „подсластить“ ваше разочарованіе, распорядился придѣлать имъ шоколадныя головы. Предлагаю „гилотинировать перворядниковъ“. Артисты, разумеется, охотно, бросились исполнять это „вкусное“ предложеніе своего патрона.

Не знаю, былъ ли дѣйствительно въ лѣтописяхъ московской частной оперы такой эпизодъ. Возможно, что это только одна изъ легендъ, возникавшихъ вокругъ имени Мамонтова. Но, во всякомъ случаѣ, легенда достаточно яркая и характерная...

* *

А это уже изъ области фактовъ...

Фактовъ, возможныхъ только въ Россіи.

Человѣка, оказавшаго передъ родиной величайшія заслуги,—разоряютъ, заключаютъ въ тюрьму, сажаютъ на скамью подсудимыхъ, судятъ.

Для того, чтобы, заставивъ его пройти черезъ горнило всѣхъ мытарствъ, засвидѣтельствовать ему же публично „свое глубокое почтеніе“.

Дланный офіціальны актъ противъ С. И. Мамонтова, какъ извѣстно, превратился въ круглый пулъ рѣшеніемъ судей.

Тонкая нитрига, которую велъ противъ Мамонтова всеспышный Витте, чувствовавшій въ немъ опаснаго конкурента въ борьбѣ за власть,—обазалась раскрытой.

Каждому стало ясно, чѣмъ диктовался этотъ „знаменитый процессъ“—„о злоупотребленіяхъ и правоварушеніяхъ при постройкѣ Архангельской дороги“.

С. И. Мамонтовъ вышелъ изъ суда съ гордо поднятой головой, подъ непрерывнымъ градомъ оваций публики, на глазахъ которой въ гласномъ судѣ распалась, какъ карточный домикъ, весь хитро-сплетенный замыселъ всеспышнаго царскаго временщика...

Милліонеръ Мамонтовъ умеръ бѣднякомъ. Но оставленное имъ родивѣтвѣ наследство, въ видѣ ли сооруженныхъ имъ дорогъ, въ видѣ ли вѣоцвѣнныхъ заслугъ передъ русскимъ искусствомъ, такъ огромно, что среди бывшихъ нашихъ титановъ мысли п дѣла онъ долженъ, конечно, завять одно изъ первыхъ мѣстъ.

Дим. Языковъ.



Ал. Н. Толстой.

Шаржъ Дени

Театръ М. С. Р. Д.



Художникъ Дени.

Набросокъ Ф. Шалыгина.

Нѣсколько словъ о Дени.

По правиламъ журнальной этики, хвалить своихъ друзей и товарищей по газетѣ или журналу не полагается. И потому, чѣмъ больше у журналиста или художника друзей, тѣмъ меньше у него шансовъ услышать о себѣ доброе слово.

Я считаю эти правила нѣдѣльными и хочу сказать нѣсколько словъ о моемъ другѣ, талантливомъ художникѣ Дени.

Читатели „Рампы“, вѣроятно, уже обратили свое просвѣщенное вниманіе на его труды и рисунки. (Я говорю „просвѣщенное“, такъ какъ читатели „Рампы“, несомнѣнно, — люди просвѣщенные.)

Русскіе шаржисты обыкновенно считаютъ, что для того чтобы шаржъ былъ удаченъ, необходимо наградить изображаемаго героя (сцены, литературы или политики) ослиными ушами, ротомъ, похожимъ на свлятельную, и бородавкой, напоминающей головку капусты...

Дени придерживается другого взгляда на вещь: его шаржъ — не грубая насмѣшка, не членовредительство, а тонкая усмѣшка, улыбка юмориста, который улавливаетъ въ человѣкѣ „вѣчно-смѣшное“, его смѣшную сущность, проявившуюся (иногда едва уловимо) во вѣщности.

Дени — талантливый художникъ-наблюдатель, беззаботно смѣющийся надъ тѣмъ, что ему кажется смѣшнымъ.

На его совѣсти нѣтъ ни одного обезображеннаго или изуродованнаго товарища, ни одного увѣчнаго гражданина: въ каждомъ онъ находитъ смѣшныя черточки, тонко проинспектируетъ, деликатно язвитъ, но зато его жертва никогда не можетъ сказать: „взвните, это не я!“, такъ какъ сходство не только уморительно, но и неопровержимо.

L.

Малый театръ.

Въ „Декабрѣ“ параллельно съ М. Н. Ермоловой въ роли княжны Плавунцевой выступаетъ Е. П. Шебуева. Талантливая артистка въ исполненіе этой трудной и благодарной роли вноситъ много своего оригинальнаго: ея Плавунцева — властная, далеко не сердобольная старуха, жаждущая въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ Богомъ, но попрежнему высокопарная съ людьми. Эта трактовка роли вполне соответствуетъ замыслу автора. Артистка имѣетъ у публики большой и заслуженный успѣхъ.

П. А.

Совѣтскій театръ произнесъ свое послѣднее слово истекающаго сезона: предъ нами послѣдняя постановка — „Пиковая дама“. Судя по шумному успѣху спектакля, театръ долженъ каяться въ томъ, что не поставилъ эту оперу значительно раньше. Конечно, „Пиковая дама“, это чудесное твореніе Чайковскаго, стоитъ того, чтобы имъ занялись въ первую очередь, а не тогда, когда на носу конецъ сезона. Впрочемъ, хорошо все, что хорошо кончается, а „Пиковая дама“, разумеется, прозвучала пышнымъ заключительнымъ аккордомъ, заглушавшимъ кое-какіе предыдущіе промахи театра по части репертуара.

Относительно постановки „Пиковой дамы“ можно сказать слѣдующее. Вънѣ оперы поставлена совсѣмъ по новому, подразумевая новыя (и, правда, очень интересныя) декорации, костюмы, кое-что въ сценическомъ распорядкѣ. Все красиво, все пышно, великолѣпно. Сценическая часть, находящаяся въ рукахъ г. Петровскаго, не даетъ, впрочемъ, повода восторгаться какимъ-либо новымъ режиссерскимъ достиженіямъ. Это отчасти и понятно: „Пиковая дама“ — опера, въ которой музыкальный языкъ настолько выразителенъ и силенъ, что нѣтъ никакой надобности прибавлять лишняго въ сценическую чашку вѣсовъ, которая если перевѣсать, то легко можетъ и испорчить. Подтвержденіе было налицо. Въ сценѣ въ казармахъ режиссеръ ввелъ совершенно непредвидѣнный композиционный эффектъ: во время похороннаго заупокойнаго пѣнія зрителю показывало было наглядно видѣніе Германа — группа со свѣчами въ рукахъ. Этотъ наивный и безвкусный эффектъ, напоминающій „Маргариту за пряткой“, только испортилъ настроеніе всей жуткой сцены. Между тѣмъ, эффектъ крайне важный и необходимый — появленіе призракъ графини — по невѣстной причинѣ вовсе не состоялся: призракъ не было, одинъ только голосъ его былъ слышенъ. Къ числу удачныхъ моментовъ надо отнести прелесть поставленную интермедію.

Музыкальную часть вѣдалъ г. Плотниковъ. Тутъ было много недосказаннаго, невыявленнаго или сказаннаго не такъ, какъ нужно. Все звучало болѣе или менѣе гладко, но внутренняя сущность музыки Чайковскаго, вся ея глубина, весь ея смыслъ остались невыявленными, неиспользованными въ смыслѣ передачи. Г. Плотниковъ лишнее исполнительскаго дара, онъ явно не чувствуетъ того, что есть въ музыкѣ Чайковскаго. Если это и толкованіе, то толкованіе крайне поверхностное и притомъ безвкусное (одни темпы чего стоятъ!). Дарожеръ какъ будто не способенъ увлечься, зажечься, заразиться настроеніемъ, предъ нимъ лишь ноги, которые онъ играетъ то невѣроятно скоро (бѣшевый темпъ прелюдіи), то чудовищно медленно, то громко, то тихо. Однимъ словомъ, не чувствуется художественнаго замысла, а видна лишь скучная и мало говорящая ремесленная работа. Нѣтъ вдохновенія, нѣтъ творчества.

Страничка прошлаго.



М. Ф. Кшесинская.

Шаржъ Дени.



Но вдохновение и творчество были на сцене, среди участвовавших в спектакле артистов. Не могу в первую очередь не указать на г-жу Васенкову: исполнение ею партии графини не просто хорошо, но идеально хорошо. Сцена в спальне проведена артисткой действительно вдохновенно, захватывающе. Пьеска звучала с глубоким настроением. Очень жаль, что г. Плотников не почувствовал, что тут необходимо дать свободу пьеснице, вало отпустить дирижерские возжа, которые она, губя намерения г-жи Васенковой, упорно держал натянутыми без всякой нужды: маленькое *ritenuto* в конце пьески (в первый раз) вполне уместно.

Несмотря на то, что партия Лианы по существу драматическая, г-жа Кошачь в смысле выразительности и сценического замысла вышла победительницей. Если иногда и хотелось бы большей звуковой мощи, то прочувствованный лиризм искупал все. Относительно Германа говорить трудно: г. Дамаев был болен (объ этом было объявлено), и тем самым отпадает возможность о нем судить по выступлению в данном спектакле. Можно разве упомянуть о некотором однообразии красок: да о нескольких превосходно прочувствованных фразах в сцене у графини. Г. Поповъ красиво и благородно спел партию Елецкаго, показав себя подлинным артистом-пѣвцом. Удачно назначение г. Горьлова на партию Томскаго и Златогора. Баллада в исполнении г. Горьлова звучала не без эффекта. Г-жа Тихонова с ее сочными, красивым голосом, конечно, подходить к партии Павлины. Она же пѣла и партию Мясоедова в интермедии. Сь голосом г-жи Тихоновой совершенно не гармонирует сухой голос г-жи Сирашевской, довольно блѣдно исполнявшей роль Прильпы (при этом такие недостатки в произношении, как «примель»). Недурна г-жа Шервинская—гувернантка. Прочия мелкия роли распределены болѣе или менѣе удачно. Несколько слов о купюрахъ. Зачѣмъ выбрасывать квинтетъ? Зачѣмъ сокращать хоръ гуляющихъ?

Б. Яновскій.

Жастроли петроградскаго балета.

Какая чудесная волшебница сцены, эта хрупкая, вѣжная женщина, вся охваченная лиризмомъ, сь огромными черными глазами, таящими в себѣ глубокую печаль, такая она трепетная, тонкая артистка, большая, самобытная художница, очаровательная балерина.—хочется сказать о Т. П. Карсавиной послѣ ея выступлений в «Жизели» и «Тщетной предосторожности».

Невѣдомая Москвѣ, она покорила ее послѣ первыхъ же сдѣвъ в «Жизели». Какая она в этомъ балетѣ прелестная, робкая, милая крестьяночка какъ трогательна она в передачѣ пахлывшаго на Живель страданія и сь какой огромной силой подливаю драматизма ведетъ сцену сумасшествия. Вь ней она покоряетъ престолот, искренностью, правдивостью переживаній.

Вь ее угасшемъ лицѣ сь помертвѣвшими глазами, во всемъ ее обликѣ столько обреченности, столько безпомощности и рвнющей сердце тоска, что она колдуетъ и покоряетъ.

Но особенно хороша она среди видѣній, вь хороводѣ видисей. Вся вь бѣломъ, сь простертыми руками, вся вь молитвенномъ экстазѣ, она точно сошла сь тѣхъ литографій, что рисуютъ намъ портреть первой Жизели—Карлотты Грива.

Здѣсь она—символъ страданія, какъ будто отвлеченности.

И вь наивной пасторали Доберваля «Тщетная предосторожность», которую она оживила и расцвѣтила чарующими блестками своего таланта, она плѣнительно пердала любовь Лианы вѣжвыми пастельными тонами.

Она плѣняетъ подлиннымъ изяществомъ, мастерствомъ тонкаго художника, чувствующаго аромать стараго, наивнаго условнаго балета.

Она вѣжна вь своей непосредственности, вь влекущемъ кокетствѣ, наисканномъ юморѣ. И достигаетъ она опять-таки чутьемъ художника, не прибѣгая къ подчеркиванію, нажму, дешевому эффекту, стремленію къ грубому реализму, что приходилось видѣть вь послѣднее время.

Особо хочется отмѣтить костюмы Лианы—выдержанные строго по стѣлю.

Ея танцы вѣжны, полны прирожденной граціи. Ихъ рисунокъ пріятен и ованъ красотой и благородствомъ.

Вь нихъ она поражаетъ прчудливой красотой движений. Ова вѣрдкость воздушна. Ея полеты полны захватывающей красоты. Ея позы до безконечности разнообразны и отъ нихъ нельзя оторвать взора, когда она, заметенная, замриваетъ на рукахъ кавалера.



Т. П. Карсавина.

Сь парижской каррикатуры.

П. Н. Владимировъ—тонкій, вдумчивый артистъ. Его игра полна благородства, его движения нарядность красоты.

Онъ — идеальный кавалеръ и тавцовщикъ, какихъ —увь!—не знаетъ московская сцена.

Онъ поражаетъ своими высокими, легкими прыжками. Объ огромномъ успѣхѣ, что сопровождалъ ихъ выступленія, не приходится говорить.

Н. З.

Вь концертахъ.

Послѣдній экстренный свфоническій концертъ С. А. Кусевичкаго далъ чрезвычайно интересную программу. Главный интерес заключался, разумѣется, вь девятой симфоніи Бетховена. Исполнение этого величайшаго творенія всегда является исключительнымъ событіемъ, праздникомъ, торжествомъ. Темъ болѣе вь такомъ прекрасномъ, истинно художественномъ исполненіи, какое далъ С. А. Кусевичкій. Ахъ, этотъ божественный фиваль, такой торжественный, бодрый и вмѣстѣ сь тѣмъ преисполненный благородной простоты! Вотъ подлинно революціонный гимнъ, и онъ долженъ со-временемъ сдѣлаться мировымъ гимномъ, гимномъ всѣхъ народовъ міра. Это будетъ тогда, когда осуществятся святыя лозунги великой французской революціи, лозунги, открывающіе всякую истинную революцію, когда исполнятся слова Шиллера, такъ мощно звучащія сь музыкой великаго революціонера Бетховена: «Обнимитесь, милліоны!»

Чудесно звучали и оркестръ, и хоръ, и солисты (г-жи Нежданова, Обухова, г.г. Собиновъ, Ждановскій).

Девятой симфоніи вь первомъ отдѣленіи концерта предшествовала милая, изящная симфонія Гайдна G-dur, которая, не взирая на свой весьма почтенный возрастъ, нисколько не утратила ни вь свѣжести, ни вь чисто звуковой прелести.

Солистомъ вь концертѣ выступалъ г. Собиновъ, сь невѣроятной художественной прелестью спѣвшій арію изъ «Орфея» Глюка.

Б. Ян.



Театръ Корша.



Е. В. Кречетова.

Шаржъ *Есаулова*.

Театръ „Эрмитажъ“.

6-го мая в. с., несмотря на почти зимнюю стужу, въ „Эрмитажъ“ открылись всѣ театры новаго „Кооператива“. Въ „Зеркальномъ“ съ большимъ успѣхомъ прошла старая, давно не шедшая въ Москвѣ, оперетта Зуппе „Фатиница“, въ новсмъ переводѣ гг. Ляскаго и Меча. Мелодичная оперетта ярко и красочно поставлена А. Брянскимъ и дружно разыграна г-жама Закомъ, Тамарой Грузинской, гг. Моваховымъ, Дидревымъ и... В. С. Борисовымъ, который рѣшалъ лѣтомъ измѣнить драмъ съ легкомысленной опереткой. Драмъ грсаитъ опасность, ибо, судя по первому сеансу, лѣтний романъ г. Борисова увѣчается полнымъ успѣхомъ: кстати, в началѣ овъ измѣнѣ, изображая пашу и распѣвая куплеты съ рефреномъ: „Немножко перемѣнить, — немножко освѣжить“. Въ новомъ текстѣ много злободневныхъ словечекъ и стротъ, выпорхнувшихъ изъ московскихъ фельетововъ, но есть кое-что и поважнѣе.

Въ „Комедии“ весело разыгрываютъ полуфэрсъ „Гусарская лихорадка“, знакомый уже москвичамъ и слегка надозвѣшій. Лихорадка, вызываемая итѣмекими гусарами, смѣшна и весела только на сценѣ... Впрочемъ, у насъ уже начались „добрососѣдскія отношенія“...

Иксъ.

Въ балетной студіи К. А. Бека.

Очередной спектакль Студіи являлся дебютомъ, несомнѣнно, талантливой г-жи Наль въ роли Лизы изъ балета „Тщетная предосторожность“ и въ этомъ смыслѣ представлялъ значительный интересъ.

Сама трактовка уже въ достаточной степени „затанцованной“ роли была лишена неприятныхъ для глаза моментовъ подознавательнаго копирования образцовъ казенной сцены. Наоборотъ, г-жа Наль сумѣла украсить милый пасторальный образъ кокетливой рззвухи Лизы симпатичными штрихами индивидуализаціи сюжета, что заставляетъ убѣждаться въ наличіи хорошей драматической колоратуры у молодой артистки, овѣявшей прамятвныя переживания влюбленной простушки дымкой трогательнаго лиризма.

Послѣ „Тщетной предосторожности“ былъ продемонстрированъ, какъ всегда, обшарный, и звторесный давртамсмять, подчеркнутый присущую постановкамъ К. А. Бека оригинальность и художественный вкусъ.



Хроника.

— По инициативѣ культурно-просвѣтительнаго отдѣла при совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и совѣта Большого театра состоялось совѣщаніе по дѣламъ Большого театра, на которое, кромѣ представителей обоевъ этихъ учреждений, приглашенъ былъ также рядъ дѣятелей государственныхъ театровъ и другихъ лицъ. Совѣщаніе единогласно признало, что Большой театръ долженъ быть поставленъ на такую высоту, чтобы могъ занять положеніе образцоваго въ своей области учрежденія. Въ дѣляхъ обновленія веденія всего дѣла руководящій коллективъ Большого театра долженъ быть пополненъ приглашеніемъ новыхъ членовъ: дирижеровъ, режиссеровъ, художниковъ и другихъ компетентныхъ лицъ. Мнѣніе совѣщанія будетъ сообщено совѣтомъ Большого театра общему собранію дѣ телей Большого театра, отъ котораго и будетъ завѣсть затѣмъ дальѣйшее движеніе дѣла. На совѣщаніи обсуждался также предложенный Большимъ театромъ реперуаръ на будущій годъ. Въ немъ было обильный реперуаръ этотъ включены оказались 42 оперы и 26 балетовъ. Въ числѣ новыхъ оперныхъ постановокъ значится „Млада“ Римскаго-Корсакова, „Соловей“ Стравинскаго, „Христосъ“ (духовная опера) Рубинштейна, „Гибель Фауста“ Берлиоза, „Саломея“ или „Электра“ Р. Штрауса; въ числѣ возобновленій — „Русалка“, „Ворисъ Годуновъ“ и вся тетралогія Вагнера „Кольцо Нибелунговъ“. Столь чрезмѣрная обширность реперуара, не могущая не отражаться самымъ негубнымъ образомъ на дѣляности и продуманности каждой отдѣльной постановки, вызвала осужденіе многихъ участниковъ совѣщанія. По вопросу о реперуарѣ будетъ создано еще одно специальное совѣщаніе.

— Въ балетной группѣ Большого театра художественно-реперуарная комиссія разрабатываетъ реперуаръ будущаго сезона.

Первой новой постановкой почти съ увѣренностью можно сказать, что будетъ „Щелкунчикъ“. Постановка этого балета намѣчалась въ текущемъ сезонѣ, но не была выполнена за недостаткомъ времени.

Облегченіемъ къ осуществленію „Щелкунчика“ явится то, что декораций къ нему, за исключеніемъ послѣдняго дѣяствія, уже написаны по эскизамъ Корвинна.

Дальѣ намѣченъ къ постановкѣ балетъ Стравинскаго „Петрушка“, который пойдетъ въ одинъ вечеръ съ его оперой „Соловей“.

Всѣ оперная труппа окончательно рѣшитъ постановку „Млады“, гдѣ балету отведено много мѣста, то, вѣроятно, на этомъ и закончатся всѣ новыя постановки будущаго сезона.

Изъ балетовъ, не шедшихъ въ текущемъ сезонѣ, для В. А. Каралли будутъ возобновлены „Жазель“ и „Эвника и Петронія“.

Предположены къ постановкѣ балеты „Нуръ и Анитра“ и Рахманнинова.

— 14 (1) мая, въ честь 55-лѣтія служенія русскому театру заслуженной артистки Г. Н. Федотовой, въ Маломъ театрѣ пойдетъ „Стакавъ воды“ съ М. Н. Ермоловой, Е. К. Лешковской и А. П. Южнвымъ.

— Всероссийскій союзъ антрепренеровъ, образованный при Театральномъ Обществѣ, уже сконструировалъ органъ своего управленія.

Въ правленіе союза вошли: В. И. Никулнвъ, М. М. Шлуглейтъ, А. О. Дракули, П. П. Струйскій, Радунскій; кандидатами избраны Н. Ф. Валіевъ и М. Викторовъ.

На первомъ засѣданіи правленія председателемъ былъ избранъ В. И. Никулнвъ, товарищами председателя М. М. Шлуглейтъ и Н. Ф. Валіевъ.

Правленіе союза вынесло постановленіе принимать въ труппу лишь тѣхъ актеровъ, которые входятъ въ профессиональные союзы актеровъ.

— Первый театральныи кооперативъ, связшій на будущій сезонъ петроградскій Малый театръ, пригласилъ въ свою труппу рядъ артистовъ московскаго Малаго театра. Кромѣ М. Я. Муратова и А. И. Южина, который является завѣдующимъ художественной частью и гастролеромъ, подписаны вчера контракты съ В. В. Максимовымъ и А. Ф. Грибуниной.

— Профессиональные союзы актеровъ, театральныхъ рабочихъ, музыкантовъ, артистовъ сцены и арены, международнаго союза артистовъ цирка для координарованія совмѣстныхъ дѣяствій и выступленій объединились и выбрали центральныи совѣтъ союзовъ въ составѣ 20 членовъ.

Вчера совѣтъ изъ своей среды избралъ президіумъ: А. Я. Таировъ (предсѣдатель), Ю. М. Славинскій, А. М. Давкманъ, М. Ф. Левнвъ, И. И. Клодъ и Ф. А. Симонъ. Совѣтъ этотъ, какъ пролетарская организація, войдетъ

въ союзъ сомазовъ и получить, вѣроятно, представительство въ „Совдепъ“.

— Въ одной изъ московскихъ больницъ отъ перваго разстройства тихо скончался предсѣдатель драмат. кружка „Улей“ Вл. Алекс. Судьбининъ, хорошо извѣстный московскому театральному миру.

— Въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи очутились давно сошедшіе со сцены корифеи русской оперы, заслуженные артисты: А. П. Барцавъ, В. В. Корсовъ, А. П. Крутякова, И. К. Альтани, В. В. Везекирскій, М. А. Дейша-Сюванцкая, П. А. Хохловъ.

Всѣ ови, сдѣлавшіе въ свое время такъ много для русскаго искусства, теперь принуждены чуть ли не голодать, ибо съ 1-го января ихъ лишили того главнаго пособия, которое имъ прежде, какъ заслуженнымъ артистамъ, выдавалъ бывшій „кабинетъ его величества“. Въ силу этого артисты должны при современныхъ условіяхъ жизни устраиваться на 1.000 руб. въ годъ обычной пенсіи.

Какъ говорятъ, они намѣрены обратиться за помощью къ совѣтской власти.

— Въ театральныя кружка съ интересомъ ожидаютъ разрѣшенія вопроса о томъ, какія мѣры примутъ Театральный комитетъ и профессиональный союзъ актеровъ противъ предполагаемаго въ Москвѣ срыва постановки пьесы К. Р. „Царь Іудейскій“ у театра Неалобина какимъ то провинціальнымъ антрепренеромъ, объявившемъ эту постановку въ Никитскомъ театрѣ.

Дѣло въ томъ, что товарищество артистовъ театра Неалобина получило отъ общества „Другъ инвалида“, которое является наследникомъ авторскихъ правъ К. Р., право исключительной постановки „Цари Іудейскаго“ по 1 сентября 1918 г.

Товарищество артистовъ, болѣе мѣсяца работающее надъ этой пьесой и затратившее на нее огромныя суммы, поставлено въ тяжелое положеніе.

Московский агентъ союза писателей, охраняющій авторское право К. Р., протестовалъ противъ этого захвата, но его гласъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Дѣло передано въ Театральный комитетъ, вѣдающій всю театральную жизнь Москвы.

— Первое выступленіе союза артистовъ „Частнаго балета“ не оправдало ни того большого интереса, что было проявлено къ нему публикой, заинтересованной новымъ начинаніемъ, ни надеждъ руководителей союза, предполагавшихъ, что они уже создали „частный балетъ“.

Правда, въ докладѣ, предпосланномъ спектаклю, говорилось, что союзъ продемонстрируетъ лишь свои художественныя силы, но по этой „выставкѣ“ зрители не узнали ничего новаго.

Они увидѣли хорошо знакомыхъ имъ по театрамъ миниатюръ танцовщицъ, частью въ хорошо знакомыхъ номерахъ, не давшихъ ничего художественно цѣльнаго.

Такимъ, конечно, нельзя считать балетъ „Загру“ — пересказъ еще порядочно приѣзжающаго балета „Азіадѣ“.

Былъ еще поставленъ одинъ актъ балета „Ваядерка“ и этимъ лишній разъ доказано, что въ лицѣ Н. А. Никольской балетная сцена имѣетъ очень сильную классическую танцовщицу.

Въ обширномъ дивертисментѣ выдѣлялись ученицы А. О. Собѣщанской.

Изъ отдѣльныхъ номеровъ наиболѣе интересны были танцы Л. Боявъ, Нины Кирсановой, М. д'Арто. Хороши были Е. Бекеффи, Е. Лорвэа.

— Всѣ спектакля „Азіадѣ“ въ циркѣ Никитина прошли съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ. Возможно, Л. Д. Леонидовъ дастъ два добавочныхъ общедоступныхъ спектакля „Азіадѣ“ по возвращеніи изъ Петрограда, гдѣ гастроли М. Мюрдякина и М. Фроманъ состоятся 3 и 5 мая.

Въ июль Л. Д. Леонидовъ организуеъ большое турне М. Мюрдякина и М. Фроманъ по Волгѣ.

— На предстоящій лѣтній сезонъ Малаховскій театръ снятъ прощлымъгоднимъ антрепренеромъ Н. П. Шмаковымъ. Въ составъ группы вошли г-жи Лилія, Красавина, Леонтовичъ, Нарбекова, Глубоковская, Мельникова и г. г. Нероновъ, Кумельскій, Шмаковъ, Хохловъ, Таричъ и др. Открываеъ сезонъ 20-го мая „Чайкой“. Распредѣленіе ролей слѣдующее: Зарѣчная—г-жа Лилія, Аркадина—г-жа Красавина, Швабрава—г-жа Нарбекова, Маша—г-жа Глубоковская, Дорис—г. Кумельскій, Треплевъ—г. Шмаковъ, Сарня—г. Нероновъ, Медвѣденко—г. Парнявъ. Ставить „Чайку“ В. И. Нерововъ.

— В. С. Чарова вышла изъ состава кинематографической группы И. Н. Ермольева.

— Гастроли извѣстной москвичамъ исполнительницы „Танго“ Лидіи Джонсонъ съ партнеромъ М. Рейгардъ въ театрѣ „Паласъ“ прошли съ выдающимся успѣхомъ. Особый успѣхъ имѣло „Танго Наркотика“ въ ея собственной постановкѣ.

Время—деньги.

(Романъ близкаго будущаго).

Гротескъ М. Линскаго.

Площадка у лифта. Онъ и Она съ разныхъ сторонъ одновременно подходятъ къ лифту. Онъ, наклонившись, пропускаетъ ее впередъ, затѣмъ входитъ самъ, закрываетъ за собою стеклянныя двери и спрашиваетъ:

Онъ.—Вамъ на какой этажъ?

Она.—На шестой.

Онъ.—(нажимаетъ кнопку. Лифтъ трогается)—Шестой? Вотъ не предполагалъ, что у меня такая очаровательная сосѣдка!

Она.—Простите, но... я не разговариваю съ незнакомыми.

Онъ.—И не нужно. И не говорите. Говорить буду я. Какая у васъ чудесная ручка, какіе прелестные пальчики...

Она.—Не смѣйте хватать меня за руки!

2-й этажъ.

Онъ.—(Подноситъ ея руку къ своимъ губамъ)—Это—сапфиры?

Она.—Нѣтъ, агаты.

Онъ.—Агаты—мой любимый цвѣтъ.—(Смотритъ на нее въ упоръ и говоритъ значительно).—Черный, какъ ваши глаза... (Пытается обнять ее).

Она.—(Сопротивляясь, но уже слабѣе).—Послушайте, вы съ ума сошли!

Онъ.—(пламенно)—О, да, я безумецъ! Но теперь, когда лучшая часть интеллигенція потеряла голову (цѣлуетъ), когда рушатся сословныя и классовыя перегородки... (цѣлуетъ), когда... (цѣлуетъ).

3-й этажъ.

Она.—(взволновано)—Боже мой... какъ кружится голова... У меня въ лифтѣ всегда головокруженіе...

Онъ.—(восторженно)—Пусть, пусть кружится! (цѣлуетъ ее еще страстнѣе)—Богиня моя, мечта моя! Я чувствую, какая-то волшебная сила поднимаетъ меня и увлекаетъ все выше и выше... Ну, отвѣтъ мнѣ однимъ подѣлужемъ, только однимъ, и мы очутимся на седьмомъ небѣ...

Она.—(простоудично)—Зачѣмъ же такъ высоко? Мнѣ нужно только на шестой этажъ...

4-й этажъ.

Онъ.—(воспламеняясь все болѣе и болѣе)—Что—этажъ?! Забудемъ объ этажахъ! Пусть лифтъ несетъ насъ въ высь... (мечтательно) въ высь... (незамѣтно нажимаетъ кнопку. Лифтъ останавливается).

Она.—(съ испугомъ)—Боже мой! Лифтъ остановился? не двѣтуйте?

Онъ.—(вздрагивая)—Нѣтъ, дѣйствуетъ: на нервы онъ мнѣ дѣйствуетъ... (протягиваетъ руку къ выключателю).

Она.—(удерживая его за руку)—Послушайте, вы съ ума сошли! Зачѣмъ вы гасите свѣтъ?

Онъ.—(бурно)—Надо же экономить освѣщеніе. Развѣ вы не читали постановленія продовольственнаго комитета объ экономіи электрической энергіи? (цѣлуетъ).

Она.—Да, но вы тратите энергію на другое... Оставьте... (едва слышно)—Ну, хорошо... Я разрѣшаю вамъ цѣловать меня, но вы должны обѣщать мнѣ, что не позволите себѣ ничего лишняго.

Онъ.—Даю вамъ слово! Ничего лишняго—только самое необходимое... (тушитъ свѣтъ на одно изъ словъ. Черезъ секунду лампочка снова загорается, и лифтъ продолжаетъ движеніе вверхъ).

5-й этажъ.

Она.—(томясь)—Вы—милый... вы—смѣлый...

Онъ.—(разсѣяно)—М-да... (насматриваетъ что-то и закуриваетъ папироску). Тебѣ въ какомъ этажѣ выходить? Въ пятомъ?

Она.—(не слушая, мечтательно).—Любовь—это гмель. Онъ.—(съ гримасой)—Ахъ, да, въ шестомъ... Вѣдь, мы—(зѣваетъ) сосѣди... Кстати, сколько у тебя комнатъ?

Она.—(не слушая и ближе прижимаясь къ нему)—Пьянящая сладкая сказка... волшебный сонъ...

Онъ.—(озабоченно смотритъ вверхъ)—Не проѣхать-бы...

Она.—(опомнившись)—Что? что вы говорите?

Онъ.—Говори—е-е проѣхать бы шестого этажа...

Она.—(съ ироническимъ смѣхомъ)—Ахъ, это васъ заболитъ? (съ зорькой ироніей). Такой же, какъ всѣ...

Онъ.—(разсудительно)—Милая моя, должна же ты понять...

Она.—(рѣзко перебивая его)—Довольно! Не нужно объясненія. Я раскусила васъ...

Онъ.—(съ презрительной улыбой)—Раскусила и начнешь грызть?

Она.—Не смѣйте мнѣ говорить „ты“! Съ этихъ поръ мы чужіе... Кстати, какъ васъ зовутъ?

Онъ.—Мишель...

Она.—Фамилія?

Онъ бормочетъ нѣчто неопредѣленное.

Она.—(съ глубокимъ презрѣніемъ)—Не трудитесь придумывать и лгать! Вотъ мой этажъ... (Лифтъ останавливается). Прощайте!

6-й этажъ.

Онъ.—(мнливо)—Позвольте на прощанье хоть ручку...

Она хочетъ что-то ответить, но, не найдя въ негодованіи словъ, выходитъ, энергично захлопывая за собою дверь.

7-й этажъ.

Онъ.—(нажимаетъ кнопку. Лифтъ идетъ выше). Уфъ! Еще одна завязка и развязка романа... (ласково гладитъ стѣнку лифта). Какая это гениальная выдумка—лифтъ! Вабираясь по лѣстницѣ, всегда рискуешь, что подвернется нога; здѣсь же, если иной разъ и подвернется нога, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не моя, а жевская...

ЗАНАВѢСЬ.

М. Линскій.

Романсъ на старинный мотивъ.

LOLO.

...Тяжка неравная борьба:

Я безсловеснаго раба

Изображаю.

Пишу, о родинѣ скорбя,

И подъ замкомъ уже себя

Воображаю.

Раскрывъ газетный листъ, журналъ,—

Что мнѣ готовить трибуналъ

Соображаю.

Пишу—и помню, что тюрьму,—

Увы—себѣ же самому

Сооружаю...

Усталъ отъ мукъ изъ-за муки,

Отъ злой гастрической тоски

По урожаю;

Усталъ отъ вѣчнаго „пифъ-пафъ“,

Усталъ семейство прятать въ шкафъ...

Я утѣжаю!..

Я слышу смѣхъ: „На чемъ? Куда?“

Но всѣ удары безъ труда

Я отражаю:

Мой путь недологъ и не новъ,—

Въ страну фантазіи и сновъ

Я утѣжаю.

Долой дѣйствительность! C'est trop!

Въ послѣдній разъ свой мечъ перо

Я обнажаю.

Въ послѣдній разъ—о торжество!—

Въ чернила друга моего

Я погружаю!

Намъ Луначарскій стѣлъ куплетъ:

„Превыше всѣхъ искусствъ балетъ

„Я уважаю.



Тамара Карсавина.

„Трозкие дхи“.

Такъ называется новая пьеса Н. Гравевской.

Дѣйствіе ея происходитъ въ царствованіе Екатерины II, во время Пугачевского бунта. Графъ Скуратовъ, вѣжливый блестящій столичный вельможа, живетъ въ своемъ помѣстьи, до котораго еще едва, едва доносился гулъ мятежа, годявшагося на Яикъ. Съ нимъ вмѣстѣ живетъ его 2-я жена, которую онъ увезъ съ одного придворнаго бала и развелъ съ мужемъ, а также его приемная дочь Вѣра, дѣвушка 16—18 лѣтъ. Они ждутъ пріѣзда сына графа, воспитывающагося у родной его матери въ столицѣ.

Въ то время, когда графъ въ своемъ помѣстьи точно еще спитъ и гремитъ, отдаваясь обычнымъ развлечениямъ, въ среду окрестныхъ крестьянъ уже попадаетъ искра пугачевского пожара. На той же лужайкѣ, на которой залетный молодецъ Кирилль поднимаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ,—вскорѣ эти помѣщики и ихъ дамы въ сопровожденіи челяди располагаются приваломъ послѣ охоты и заедаютъ врасплохъ заговорщиковъ. Кирилль для своихъ цѣлей тутъ же втирается слугой въ домъ графа, котораго онъ увлекаетъ шутками, прибаутками и разными „штуками“. Графъ, избалованный побѣдами надъ женскими сердцами, не увлмается въ своемъ стремленіи къ нимъ, несмотря и на присутствіе красавицы жены. Ожиданіе пріѣзда сына, котораго онъ не видѣлъ 10—12 лѣтъ, вызываетъ въ немъ ревнивыя чувства „кавалера“ и возбуждаетъ въ немъ былыя страсти. Приемная дочь его, которую онъ до сихъ поръ любилъ отеческою любовью, ему представляется теперь въ иномъ свѣтѣ, и онъ начинаетъ питать къ ней чувства, какъ къ женщицѣ. Вѣру ея приемный отецъ плѣняетъ своей вѣншей красотой, необычнымъ для нея изяществомъ. Она видитъ въ немъ идеалъ мужины, несмотря на его погнутки, иногда возмущающіе ее, но любить, какъ отца,—по крайней мѣрѣ, такъ ей кажется. Пріѣзжаетъ сынъ Юрій, очень похожій на родителя, и плѣняетъ сразу дѣвушку и сразу плѣняетъ ея. Вѣра воспитывается въ домѣ, какъ барышня, во выдается всѣмъ крестьянкой, и потому, не желая противиться приемному отцу, которому любовь сына къ крестьянкѣ не могла бы быть по сердцу,—отвергаетъ чувство Юрія и, когда вслѣдъ затѣмъ приходитъ въ ея горницу отецъ и съ ловкостью опытнаго столичнаго завоевателя женщицѣ опутываетъ Вѣру такъ, что она едва не становится его жертвой,—все-же побуждаетъ себя и рѣзко отталкиваетъ своего „благодѣтеля“.

Вскорѣ штукаръ—Кирилль объясняетъ дѣвушкѣ, что онъ—ея братъ, что они—дѣти дворянъ, погибшихъ благодаря Скуратову, увлекшій когда то ихъ мать, что онъ былъ взять монахами въ монастырь и потомъ скватся по разнымъ мѣстамъ и странамъ и, рѣшивъ отомстить обидчику, явился въ родной край.

И нашу ненависть солю
Въ свободный
И грозный океанъ
Съ той ненавистью всенародной,
Что крыль вѣковъ туманъ
И что бурлить теперь во всей странѣ широкой.

Вѣра рѣшается соединиться съ братомъ, котораго до сихъ поръ она ненавидѣла за его сатанинскій обликъ и за то, что онъ слѣдалъ за нею по пятамъ. Въ эту же ночь пріѣзжаетъ изъ столицы коммиссія съ генераломъ Ратимовымъ во главѣ съ цѣлью узвать, дошелъ ли до этого края уже грозящій пугачевскій мятежъ. Скуратовъ угощаетъ гостей обычными увеселеніями, мясками, пѣніемъ и зоветъ Вѣру, заставляя и ее плясать. Когда онъ подходитъ къ ней съ лаской, Вѣра, возмущенная, отталкиваетъ его, а графъ въ порывѣ гнѣва за ея сопротивленіе даритъ ее Ратимову. Но Ратимовъ оказалъся однимъ изъ просвѣщенныхъ дворянъ и вельможъ, проникнутыхъ гуманизмомъ, познавшихъ глбельность положенія вещей въ Россіи, и, въ свою очередь даритъ ее Юрію, заявившему желаніе жениться на дѣвушкѣ. Вѣра тутъ въ порывѣ возмущенія открываетъ всѣмъ свое дворянское происхожденіе. Однако, Кириллу удается разлучить Вѣру съ Юриемъ. На утро по условленному знаку крестьяне производятъ разгромъ помѣщичаго дома готовятся расправиться съ Скуратовымъ и его гостями и ждутъ для этого только Кирилла. Но одинъ изъ парней Емеля, жаждущій отомстить Скуратову, побуждаетъ народъ расправиться съ дворянами до прихода „атаманъ“ Кирилла. Въ душѣ Кирилла всю жизнь боролись два чувства: жажда мести, завѣщанная ему, еще мальчику, на смертномъ одрѣ отцомъ, и жажда любви и родной ласки въ его одиночествѣ, которую онъ не истрѣчалъ отъ людей. Слова Вѣры: „твоей сестрой буду“ смигчаютъ его сердце и онъ готовъ осво-

бодать ея возлюбленнаго Юрія. Но когда онъ является съ сестрой къ мѣсту расправы,—все кончено, и въ душѣ этого человѣка, поднявшаго народъ на бунтъ, при видѣ осуществленія его рѣчей, происходитъ переломъ, просвѣтленіе, и онъ коритъ народъ за скорость расправы, въ то же время находя ему оправданіе въ перенесенныхъ обидѣхъ.

Какъ велика должна быть та обида,
И холодъ тотъ какъ долженъ быть великъ,
Чтобы могли скрывать такъ крѣпко
Сердца и развязать такъ быстро руки имъ...

Когда ему отвѣчаютъ: „ты самъ вельѣль отнять землю у господъ“, онъ отвѣчаетъ:

я говорилъ
„Огнать“. Обильно
Текли мои слова.
Не знала голова
Въ туманѣ,
О чемъ языкъ вѣщаль.
Да, ранѣ
Отнять—я вамъ сказалъ—
Я самъ не зналъ,
Что значить отнимать. Я мѣстью быть оковать,
Какъ обручемъ изъ льда,
Быль улыбой зачаровать...

Онъ созѣтуетъ народу разойтись, въ виду приближенія отряда правительственныхъ войскъ, и рѣшается самъ держать отвѣтъ за злодѣянъ, какъ возмутитель народа.

„Что вы,—говоритъ онъ имъ,—

Вы горы,
Что поднял мои слова и взоры
Съ утоптаныхъ вѣками мѣсть...

Я—мститель,
И должно мнѣ за васъ держать отвѣтъ.

Вотъ вѣншая сторона драмы, развивающаяся на фонѣ перекрещивающихся переживаній, стремленій, горестей, страданій, добрыхъ и злыхъ желаній, мудрыхъ и глупыхъ думъ, правды и лжи, слѣзшихся въ неаство мятущееся людское море того времени.

— „Грозные дѣи“ пойдутъ въ театрѣ К. Неглобина.

Письма въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ!

Не откажите напечатать въ редактируемомъ Вами журналѣ слѣдующее:

9 мая/26 апрѣля 1918 года исполнится 10 лѣтъ сценической дѣятельности главнаго режиссера и завѣдующаго художественною частью Симбирскаго Народнаго дома Бориса Григорьевича Артакова.

Юбилейная коммиссія проситъ всѣхъ жалающихъ принести въ этотъ день юбиляру привѣтствія и поздравленія направляя таковыя по адресу: Симбирскъ, Народный домъ Совдепа, на имя предсѣдателя Матвѣя Петровича Лундена.

Предсѣдатель Юбилейной Коммиссія М. Лунденъ.

М. Г. г. Редакторъ!

Разрѣшите просить Васъ, при посредствѣ Вашего уважаемаго журнала, выразить глубокую благодарность гг. артистамъ, О. В. Гаювской, Е. П. Грениной, А. Г. Добровольской, М. П. Фроманъ, Е. И. Калиновой, В. И. Качалову, В. В. Лужскому, М. М. Моркнчу, Г. М. Хмара, любезно принявшимъ участіе въ прошлагомъ концертѣ артистовъ Варшавскихъ театровъ, а также Н. С. Дыгацу, согласившемуся, но, къ сожалѣнію, не участвовавшему.

Съ совершеннымъ почтеніемъ устроители концерта С. А. Копчевская, Г. А. Зелинскій, С. К. Чапельскій.

Хрохика Петрограда.

= Помимо Маринскаго театра начинаются открытыя дебюты и въ Александринскомъ; первымъ дебютируетъ провинціальный артистъ г. Неждановъ, выбравшій себя роль „Данаса“ въ пьесѣ „Шутъ Тантрисъ“; затѣмъ будетъ данъ дебютъ г-жѣ Желѣновой, вопросъ о приглашеніи которой уже принципиально рѣшенъ.

— Петроградской Трудовой Коммуной предложено издать все увеселительные учреждения Петрограда пять вѣдѣній Городского самоуправления. Городские театры будут передавать особую комиссией, образованной при Комиссаріатѣ по Народному Просвѣщенію.

— Готовится къ печати первый выпускъ переписки М. Г. Саввиной. Въ этомъ выпускѣ появится около 80 неопубликованных писемъ И. С. Тургенева къ М. Г. Саввиной.

— Последнее время артисты Александрянского театра систематически не дополучаютъ жалованья: въ то время, какъ всеѣмъ остальнымъ служащимъ сцены жалованье уплачивается понастью, артисты ходятъ изо дня въ день въ контору и каждый разъ слышать: „придите завтра“.

— Въ Александринскомъ театрѣ приступилъ къ репетиціямъ возобновляемаго „Жулика“; со времени первой постановки составъ труппы вѣскольکو измѣнился, и сейчасъ для возобновленія пьесы требуется чуть не два десятка репетицій.

Первое представленіе „Жулика“ состоится на Фоминѣ недѣль.

— Годичное общее собраніе дѣятельныхъ членовъ (петроградскихъ) общества русск. драм. писателей и композиторовъ состоялось подъ предсѣдательствомъ П. Ш. Гаврича.

Изъ протокола отчета, прочтеннаго Е. П. Карповымъ явствуетъ, что къ 1 января 1918 г. состояло 1.348 членовъ. Авторскій гонораръ достигъ 519.237 р. при расходахъ въ 52.220 р. (въ нихъ процентнаго вознагражденія 25 тысячъ). Память скончавшагося въ отчетномъ году безсмысленнаго въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ предсѣдателя общества И. В. Шпажневскаго почтена вставаніемъ.

Въ виду повышенія дѣтъ на мѣся въ театрахъ рѣшено установить норму взыманія авторскаго гонорара по полпроцента съ полнаго сбора съ акта и рѣшено увеличить съ 1 мая содержаніе служащихъ въ обществѣ на 14.000 руб.

Въ члены комитета вновь избраны И. М. Кондратьевъ и Э. Э. Матеръ.

Въ кандидаты: Владиміръ Александровъ, Нполитовъ-Цвановъ и гр. А. т. Толстой.

Въ судья по прасудствію грибовдовской преміи избраны: проф. Шляпкинъ, Э. Д. Ватюшковъ, Н. А. Котлярскій и Г. Юрьевъ.

— Въ ближайшемъ времени въ Петроградѣ возникаетъ „Еврейскій камерный театр“. Во главѣ театра стоятъ группа извѣстныхъ писателей и художниковъ. Въ репертуаръ войдутъ пьесы Шоломъ Аша, Перетца и др. Спектакли будутъ проводиться въ театральномъ залѣ Еврейскаго общественнаго собранія, гдѣ уже приступлено къ оборудованію сцены.

— Л. В. Яворская предпринимаетъ поѣздку по Сибиря. Считаясь съ затрудненіемъ желѣзнодорожнаго характера, артистка намѣревается составить незначительную по величинѣ труппу и давать всего двѣ пьесы: „Парижанка“ и „Наука любви“.

бенефисы прошлы при переполненныхъ сборахъ, и каждому бенефицианту пришлось получить отъ 1100 р. до 1250 р. чистыхъ. Валовые сборы на бенефисы превышали 3000 р. Вѣлшимъ успѣхомъ публики пользовались: М. А. Сарнецкая, какъ героиня; М. В. Валента-эженю комикъ; Е. В. Горская какъ драматическая старуха является украшеніемъ труппы, точно такъ же, какъ и А. П. Двинскій—талантливый артистъ; И. А. Свѣтловдовъ—оглушительный „Орленокъ“; С. С. Лидинъ—старый знакомый Петѣ (служить 5-й сезонъ); С. М. Муритовъ—хорошій резонер въ начинающей режиссеръ; выделяется изъ труппы М. В. Кочубей, какъ гриндъ-дама. Несмотря на массу неблагоприятныхъ обстоятельствъ (погромъ магазиновъ и запрещеніе играть поже 9 часовъ вечера, вслѣдствіе военнаго положенія), кружокъ за 143 вечернихъ, утреннихъ и дѣтскихъ спектаклей („Котъ въ сапогахъ“, „Снипопась“, „Спящая царевна“ и „Морозъ—красный носъ“) взялъ 200.000 руб. валового сбора. 27 февраля въ годовичную репетицію бесплатно для рабочихъ были посланы пьесы „Влѣсть тьмы“. Въ виду невозможности переѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, кружокъ оставалъ всю труппу на востѣ съ предѣвшимъ зимнимъ окладомъ и съ 11 марта по 8 апрѣля за 24 спектакля выручилъ 35000 руб. Каждая пьеса какъ въ зимній сезонъ, такъ и постою новогрелись нѣскольکو разъ. Такъ, въ апрѣлѣ, „Гамлетъ“ былъ сыгранъ 6 разъ, „Разбойники“—5, „Орленокъ“—5. По постановленію совѣта старшилъ за время репетицій до начала сезона артисты получаютъ 75% основнаго жалованья. Это постановленіе сохраняется и на будущее время. Въ теченіе зимняго сезона кружокъ дѣлалъ прибавку жалованья на дороговизну какъ артистамъ, такъ служащимъ и рабочимъ. Всѣ получили награды, которые актеры отъ бенефиса на 14 человекъ получили по 24 р. на каждый. „День русскаго ютера“ 22 ноября для частнаго сбора болѣе 5000 р. Кажется кружокъ является единственнымъ, который платитъ жалованье прислугѣ у вѣщала.

Постою въ Пензѣ образовалась союзъ сценическихъ дѣлателей, предсѣдателемъ котораго избранъ А. П. Двинскій. На лѣто вся труппа остается служить въ кружкѣ почти съ зимнимъ окладомъ. Получающимъ до 400 руб. сдѣланы даже прибавки. Для выходящихъ, начинающихъ артистовъ установленъ окладъ въ 200 р. Рабочіе получаютъ болѣе 300 р. На лѣтній сезонъ приглашены: Э. А. Строгановъ—режиссеромъ и Н. Р. Никольскій—любовникъ-фартъ.

23 марта въ Пензѣ скончался А. М. Поляковъ, болѣе 20 лѣтъ работавшій въ области драматическаго искусства, являвшійся однимъ изъ основателей Пензенскаго Драматическаго Кружка имени В. Г. Вильямова.

28 марта умеръ Д. И. Дубовицкій, братъ извѣстнаго въ свое время артиста и антрепренера П. И. Дубовидскаго, тоже умершаго. Покойный былъ другомъ учащейся молодежи, устраивалъ съ нею любительскіе спектакли и всегда принималъ горячее участіе въ студенческихъ вечерахъ и спектакляхъ. Онъ былъ членомъ Пензенскаго Общества любителей музыки, пѣнія и азачной литературы и не мало работалъ по устройству народныхъ развлеченій.

Оба покойника оставили по себѣ свѣтлую память среди населения и артистической среды.

А. И.—чѣ.

Провинція.

Вологда. Въ Городскомъ театрѣ закончилась имѣвшая большой успѣхъ спектакль съ участіемъ В. С. Чаровой. Для закрытія шла „Поляна“ Юр. Вѣляева. Всѣ спектакли прошлы съ ашлагомъ.

Пенза. Драматическій кружокъ имени В. Г. Вильямова зимній сезонъ открылъ 26 сентября 1917 года пьесомъ Сумбатовъ „Ночной туманъ“. Въ труппу вошли слѣдующіи лица: И. Г. Агринскан, М. В. Валента, Е. В. Горская, Н. П. Гоптарпа, М. В. Кочубей, М. И. Кочубей, В. И. Львовичъ, В. И. Марцелевичъ, Е. В. Орловская, Е. П. Пушкарева, Е. И. Одицова, Л. А. Пеньковская, М. А. Сарнецкая, М. А. Абрамовскій, А. Н. Волонскій (администраторъ), А. П. Двинскій, С. С. Лидинъ, С. М. Муратовъ, Н. П. Начаевъ, А. И. Рукавишниковъ, С. И. Росгоскскій, В. И. Сафировъ, Н. А. Свѣтловдовъ, А. П. Чайкинъ, Б. М. Маевскій (помощникъ режиссера) и Б. В. Лавровскій. Въ теченіе сезона прошлы слѣдующіи пьесы: „Идиотъ“, „Мысль“, „Пигмалионъ“, „Коварство и любовь“, „Осенній скрипка“, „Брѣтцъ Юлущка“, „Урѣзъ Авоста“, „Карьера Наблюдкаго“, „Лесъ“, „Милые привража“. Въ бенефисѣ ставили: М. В. Валента—„Обнаженную“ Вытайла и играла роль Луизы Кассандъ, С. М. Муратовъ—„Имѣну“—Отаръ-бей, М. А. Сарнецкая—„Клэвио Тессина“, А. И. Рукавишниковъ—„Анатѣму“—Давидъ Лейзеръ, А. П. Двинскій „Маленькое кафе“ и „Красный цвѣтокъ“, Е. В. Горская—„Войну“, В. Н. Львовичъ—„Татьяну Рѣвину“, М. В. Кочубей „Хорошо сшитыя фракъ“, С. С. Лидинъ—„Борцы“—Двадцатьтошь, Н. А. Свѣтловдовъ—„Гибель Содомъ“—Вилан. Всѣ

Уфа. Сорганизовавшійся по пятнадцати артиста В. Мирскаго „Союзъ работниковъ сцены“ начинаетъ осуществлять свои права и проявлять свою дѣятельность. По постановленію „Союза“, Городская Коммуна реквизировала всѣ театр. помещенія. Такъ, театръ Владивѣва, снятій на лѣтній сезонъ П. П. Медвѣдевымъ, перешелъ въ Коммуну и будетъ эксплуатироваться „Союзомъ“. Предсѣдатель „Союза“ В. Мирскій получилъ полномочіе сформировать для лѣтняго сезона въ театрѣ Владивѣва (дѣтскій „Городской театр“) съ мая по сентябрь драм. труппу. Ему ассигнуется на авансъ и друг. расходы отъ Коммуны 14 тысячъ рублей. Дабы не оставить труппу уже сформированную для Уфы П. П. Медвѣдевымъ, не у дѣлѣ, г. Мирскій выѣзжаетъ для переговоровъ съ Медвѣдевымъ и его труппой въ Екатеринбургъ и Пермь, а оттуда для окончательной организациіи труппы въ Москву.

Союзъ выработалъ размѣръ жалованья артистамъ (отъ 300 до 1000 руб.).

Бюджетъ лѣтняго сезона опредѣленъ въ 15 тыс. въ мѣсяцъ. Для общежитія актерамъ отводится Коммуной зданіе женской гимназии. Для также общаго Коммуной въпечереднаго выданы продовольствія и мануфактуры.

Кромѣ лѣтняго театра, г. Мирскій думаетъ организовать двѣ труппы мипіитуръ. Одна будетъ играть въ паркѣ въ помещеніи свѣжетографы „Юдучъ“, другая—въ театрѣ Клаузиновка. Пасколько жизнеспособна будетъ эта новая „соціалистическая“ организациа, покажетъ недалекое будущее.

Редакторъ-издатель Л. Г. МУНШТЕЙНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

РАМПА

Х-й годъ изданія.

и ЖИЗНЬ

Х-й годъ изданія.

подъ редакціей Л. Г. МУНШТЕЙНА (LOLO).

ТЕАТРЪ. — МУЗЫКА. — ЛИТЕРАТУРА. — ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САТИРА (театр. и полит. памфлеты).

Подписная цѣна:

На 6 мѣс. съ 1-го (14-го) марта по 1-е (14-е) сентября — 20 р.; на 3 мѣс. — 10 р.

Подписываться можно по телефону 2-58-25 и 3-32-16.

АДРЕСЪ: Москва, Богословскій пер. (уг. Бол. Дмитровка, д. 1).

Подписка принимается также въ Москвѣ у Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“, ВОЛЬФА и др.

ВЯЗАЛЬЩИЦА ИЩ. Р.
ДЕШЕВО вяжетъ филь- ШЕЛ-
=КОВЫЕ ЖАКЕТЫ=
декосовые и
Никитск. вор., Хвѣиновскій туп., 2, кв. 57.

РОСКОШНЫЯ ИЗДАНИЯ
ЖУРНАЛА

„РАМПА и ЖИЗНЬ“.

„Жрецы и жрицы искусства“.

Стихи Lolo. Шаржи и зарисовки.
Томъ I — цѣна 5 рублей. Томъ II —
цѣна 5 рублей.

Москов. Худож. театръ.

Томъ I, изд. 2-е, дополненное. —
Сезоны 1898 — 1906 гг. II. 5 руб.
(Все расплываю). Томъ II — се-
зоны 1906 — 1914 гг. II. 5 руб. Въ
каждомъ томѣ около 200 и лѣстр.

ШАЛЯПИНЪ.

Роскошно изд. и богато-иллюстр.
книга. Содержаніе: статьи, харак-
теристика, воспоминанія. Снимки в
жизни и роляхъ. Зарисовки п
шаржи. Репродукціи рѣдкихъ шир-
ретовъ и фотографій изъ музея
А. А. Бахрушина. Цѣна 5 руб.

„Галлерей сценическихъ
дѣятелей“.

Очерки, воспоминанія, стихи. Томъ
I — цѣна 5 руб. Томъ II — Цѣна
5 руб. Около 200 иллюстрацій.

Вслѣдствіе ограниченія вѣзда въ Москву,
любвоникъ-неврастеникъ или простанъ
К. Н. ВАЛЕРИ
СВОБОДЕНЪ НА ЛѢТО и ЗИМУ.
Усл. у Ольгѣ Павловнѣ Фростъ — бюро.
Пост. адр.: г. Рязань, Семинарск., д. Шумовой.

Поступила въ продажу въ конторѣ
„Рампа и Жизнь“
ближайшая новинка
„Московского Драматическаго Театра“
САМСОНЪ.
Пьеса въ 4-хъ д. А. Вернштейна.
Переводъ Э. Матерна и Е. Экъ.
Цѣна 2 р. 50 к.

Изд. журн. „РАМПА и ЖИЗНЬ“.

УСПОКОЙТЕ ВАШИ НЕРВЫ!..

Шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ В. Иль-
нарской. Ц. 3 руб.

ТРОПИЧЕСКІЙ ЖЕНИХЪ

Шутка въ 1 дѣйствіи, пер. Л. М.
Цѣна 2 руб.

НОВЫЯ МИНИАТЮРЫ:

1. „Гамлетъ принцъ Датскій“
Кукольная трагедія Lolo
Репертуаръ „Летучей Мыши“.
2. „Плоды углубленія“
Пародія М. Линскаго.
3. „Франко-Русскій Мезальянсъ“
Шутка въ 1 д. Б. Борисова.
Репертуаръ „Новаго театра“.
Цѣна каждой пьесы съ пересылкой
1 руб. 50 к.

ПЬЕСЫ LOLO

(Оригинальныя и переводныя):

„Лолубая кровь“,

драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 3 р.

„Лосножа публика“,

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 3 р.

„Шуты“,

ком. въ 4-хъ д., въ стихахъ. Цѣна 3 р.

„Судь Мидаса“,

шутка въ 1-мъ дѣйствіи. Цѣна 1 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

новая пьеса

ВИКТОРА ЭРМАНСЪ

СОПЕРНИЦЫ драма въ
4-хъ д.

(Рол. муж. 3; женск. 5).

Выписывать изъ конторы журнала
„РАМПА и ЖИЗНЬ“.

„АНАРХІЯ ЛЮБВИ“.

Новая пьеса въ 3 д.

Ролей: м. 4, ж. 4. Цѣна 3 р.

Выписывать изъ конторы журнала
„Рампа и Жизнь“.

Можно наложеннымъ платежомъ при
высылкѣ одной трети задатка.